

Михаил Курилов, Владимир Шведов

«ПОДСТОЛИЧНАЯ СИБИРЬ»:

О ВЕПСАХ, ВЕПСКОМ МУЗЕЕ И НЕ ТОЛЬКО

«Подстоличная Сибирь»: О вепсах, вепсском музее и не только.

Веселый вепсский летний день

«...В веселый летний день, когда на солнце блещет
Скалистый известняк и в каждый звонкий грот
Зеленая вода хрустальной влагой плещет,
Люблю я зной и ширь, и вольный небосвод,
И острова пустынные высоты.
Ласкают их ветры, и волны лижут их,
А чайки зоркие заглядывают в гроты,-
Косятся в чуткий мрак пещер береговых...»

(отрывок И.А. Бунин «На острове»)

Прекрасен южный берег Крыма,
И южный берег Франции красив,
Ласкают слух названья: замок Ив,
Кап-де- Антиб, Гримау, Сан Максиме.

У нас другие: Шо'нсельга, Вадру'чей,
Забыты Богом? Нет, не так, скорей,
Укрыты, сбережены от людей,
От суетной активности кипучей.

Наш северный коричневый загар -
Не краснота, ошпаренная югом,
Здесь тело в темном озере упруго,

Здесь солнце не палач, а лучший дар.

И люди, и пейзаж здесь не крикливы,
Нет буйства красок бестолкового, пастель -
Наш цвет. Ольха, осина, ель
Негромкий разговор неторопливый.

Крик журавля, щемящий, за болотом,
Смотрящиеся в воду облака,
Тень ястреба над островом легка,
Таков эскиз пейзажный мимолетный.

Тепла доски шершавого причала
Коснуться легкомысленной ногой,
Как бог лесной, беспечный и нагой,
Здесь бунинская Руся проплывала.

Толчок, полет!.. и целой жизни мало,
Чтоб надышаться этой синевой!

В. Сарозерский

Июль 2016

На древней карте Клавдия Птолемея, которую великий греческий географ начертил во 2 веке нашей эры, обозначена обширная северная страна. Она тянется от Уральских гор в сторону Северо-Запада Европы. Эту неведомую и загадочную для тогдашнего мира страну Птолемей назвал Гипербореей. Название, да и сама идея существования этого полумифического края на протяжении веков вдохновляли поэтов и философов.

Приблизительным центром Гипербореи Птолемей на карте указал место, которое ныне является Подпорожским районом Ленинградской области.

В средние века эти места назывались Обонежской пятиной Новгородской земли, а уже гораздо позже — Олонецкой губернией Российской империи.

В позапрошлом веке Олонецкую губернию часто называли «подстоличной Сибирью». Имелось в виду, что хотя находится она не так уж далеко от Санкт-Петербурга, но по сути представляет собой такую же малоисследованную и малонаселенную область, какой являлась в те времена Сибирь. Территория современной Восточной Карелии и севера Ленинградской области считались местами глухими, дикими и труднодоступными. Так оно, в общем-то и было. Обширный лесной край, по которому там и тут разбросаны редкие деревни. Единственными надежными транспортными артериями из-за полного бездорожья здесь были реки: летом по ним плыли, а зимой двигались по льду на санях.

Земледелие здесь было не развито: слишком много лесов, слишком мало полей, слишком худородная почва. Издревле это был край охотников и рыбаков, а также собирателей — грибов, ягод и еще многого, чем богат лес. Можно сказать, что и до сего дня именно лесное хозяйство продолжает оставаться основой местной экономики.

Кажется, что время не властно над Оятским краем, до сих пор остающимся во многом «подстоличной Сибирью» - землей неведомой, «terra incognita.” Пронесутся столетия, а край зеркальных озер и тихих рек, окруженных дремучими лесами, продолжает хранить свои тайны.

Это не случайно, потому что местные жители — вепсский народ, издавна славится способностью к колдовству, ворожьбе и волхованию. Русские называли вепсов и других финнов чудью, а ведь именно от этого слова происходит другое русское слово — чудо. Чудь — то есть мастера творить чудеса, а значит, и хранить свои тайны...

Вепсы относятся к единой этнической общности финских народов. В середине первого тысячелетия нашей эры финны заселили обширные пространства Северной Европы: территории нынешней Финляндской

республики, Эстонской республики, а также всего Северо-Западного региона Российской Федерации.

Расселялись финно-угры и гораздо дальше — до Волги, Камы и Урала, однако нас сейчас интересует так называемая прибалтийско-финская ветвь народов. К ней относятся суомалайсет — основное население Суоми, эстонцы, карелы, ижора и вепсы. Были еще другие, но они ассимилировались и перестали существовать уже довольно давно.

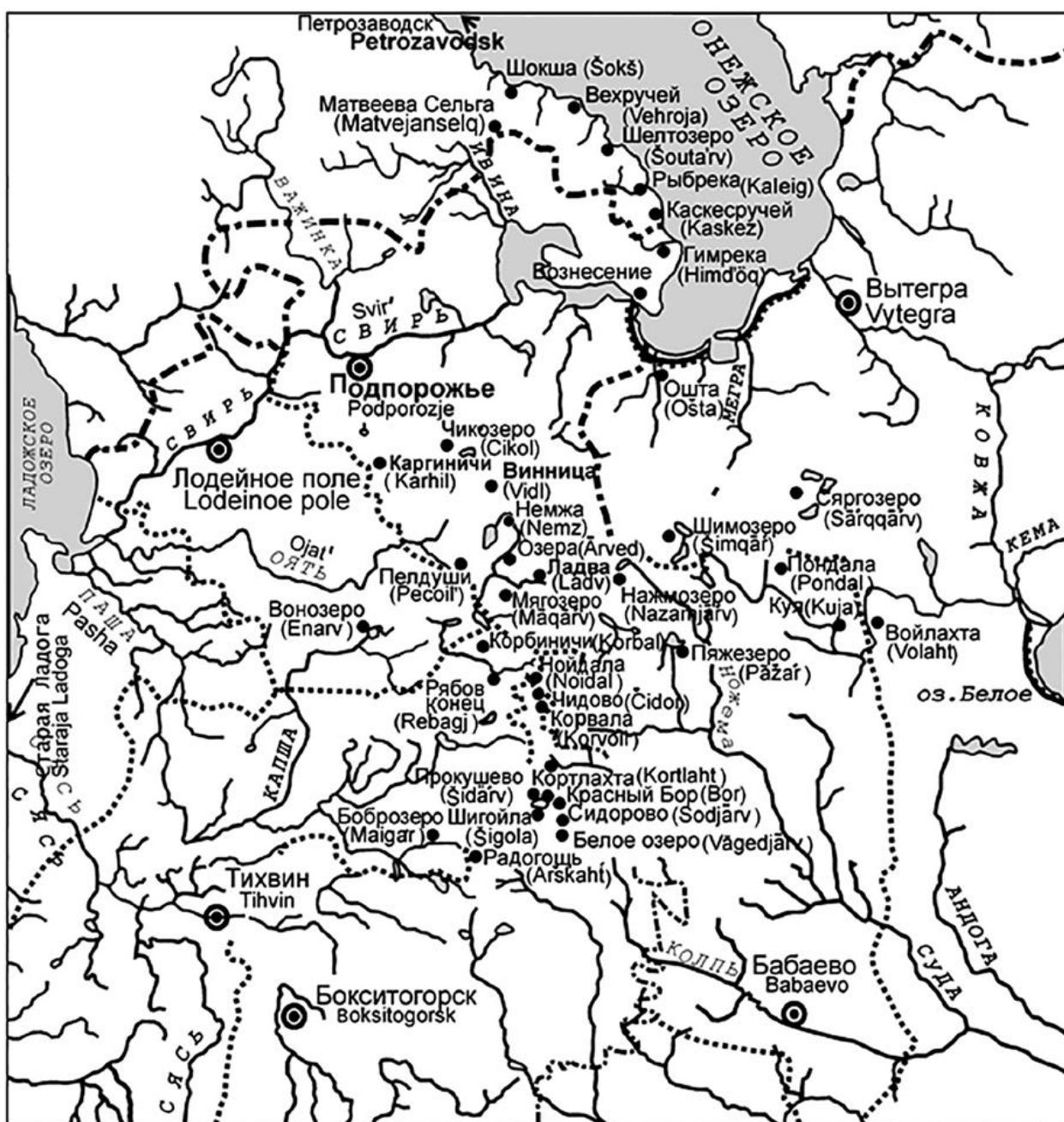
В языковом отношении все эти народы представляют собой очень близкородственные национальные группы. Представители этих народов легко понимают друг друга без переводчика, отмечая взаимно лишь некоторые языковые различия и особенности. Вепс из Подпорожского района, как и карел из Олонца, оказавшиеся в Таллине или Хельсинки, будут чувствовать себя вполне комфортно в тамошней языковой среде.

Восточным славянам такое положение вещей хорошо понятно. Беларус из Витебска, приехавший в Москву или Киев, отнюдь не нуждается в переводчике, а незначительные особенности языка могут вызывать только улыбку...

Другое дело, что общностью языка дело и ограничивается. В культурном, экономическом и политическом отношениях финские народы очень различны. У каждого была своя отдельная история, свои условия жизни, и как следствие — свое нынешнее положение.

Процесс мирной и добровольной ассимиляции вепсского населения в русскую среду начался еще в шестнадцатом веке. Затем он усилился в девятнадцатом столетии, и уже к 1920-м годам в целом почти завершился. В середине XX века на вепском, ижорском и карельском языках говорили уже в основном пожилые люди в отдаленных деревнях.

Причины этого интересного явления в основном экономические: русский язык практически всегда был здесь единственным языком делового и культурного общения.

КАРТА - СХЕМА
Территория расселения вепсов

Несмотря на это вепсский народ стремится сохранить благодарную память о прошедших поколениях, о трудолюбивых и талантливых предках. Бережно собираются артефакты материальной культуры, создаются музеи, изучаются особенности языка, который когда-то веками звучал на оятских просторах: в девственных лесах, среди ветра полей, над зеркальной гладью голубых северных озер.

В настоящее время вепсы компактно проживают в двух регионах России, и соответственно, по языковым и культурным особенностям делятся на две группы: шелтозерские и оятские. Первые проживают в Шелтозерском районе Восточной Карелии, а вторые — в Подпорожском районе Ленинградской области.

Именно об оятских вепсах рассказывает данная книга. В следующих главах мы попробуем подробно осветить историю Оятского края — от экономики до биографий замечательных людей этой земли. Из человеческих биографий всегда состоит история любой страны и любого края. Люди творят историю, без них она вообще не существует.

Эта книга — о Межозерье, Оятском крае и о вепсах - истинных сыновьях и дочерях своей прекрасной земли. О части вепсского народа, создавшего свою цивилизацию в бассейне реки Оять, между двумя великими озерами — Ладожским и Онежским.

Отдельная глава книги посвящена музею «Vepsoiden Pert», и написана одним из создателей этого замечательного культурно-исторического объекта Владимиром Шведовым. Сегодня это главная культурная достопримечательность Оятского края.

«Vepsoiden Pert» – Музей вепсской культуры и быта, памятник трудной и интересной жизни вепсского народа.

Однако, начнем мы с истории.

Глава первая

О временах давних

Оятский край ныне административно находится в составе Подпорожского района Ленинградской области. Однако, это следствие сравнительно недавнего административного деления – 1920-х годов. До этого на протяжении столетий Оятский край относился к Лодейнопольскому уезду Олонецкой губернии. А еще раньше – к Обонежскому ряду пятины Новгородской земли. До прихода сюда новгородцев в двенадцатом веке эти земли никак не назывались и нигде не обозначались...

О том, что первыми жителями Оятского края были не славяне, говорят нам исследования ученых в области оятской топонимии. Самыми древними считаются саамские названия водных объектов, хотя встречаются топонимы неясного происхождения. Возможно, они ещё более древние, чем саамские. За ними по времени идут вепские гидронимы и, наконец, русские, которые появляются примерно в XI—XII веках, но их немного. Практически все названия природных объектов Оятского края имеют древние вепские корни.

Ученые считают, что древние курганные захоронения, которые находились в центре села Винницы, были оставлены предками современных вепсов в X—XIII вв. Это говорит о том, что их племена первыми освоили Оятские берега, вытеснив отсюда в середине первого тысячелетия нашей эры кочевых саамов. Археологические материалы, которые, были найдены в курганах, указывают на то, что местное население было в контакте со славянами, а также с выходцами из Скандинавии, которые возможно проживали рядом с ними. В обиход входят славянские и скандинавские изделия, в том числе и кузнечные изделия (ножи, огнива, ключи), которыми пользовалось население вокруг реки Ояти в X—XIII вв.

С конца X в начале XI веков в этот район из Ладоги продвигаются славяне: не только купцы, но и простые крестьяне. Скорее всего, первоначально это были охотники-промысловики, за ними потянулись и земледельцы. С этого времени начинается этнокультурное взаимодействие вепсов и русских, их взаимное влияние друг на друга. Оно же определило начало интеграции вепсской общности в структуру древнерусского государства.

Впрочем, славяне были не единственным народом, с которым вепсы издревле были хорошо знакомы. Дело в том, что по вепсской земле проходил древний и великий водный Волжский торговый путь, соединявший Северную Европу со странами Востока – Персией и Византией.

Активная торговля, которая велась в средние века между Западом и Востоком, между Севером и Югом использовала исключительно водные коммуникации. Наземных дорог в этой части мира еще не знали, и огромные пространства, разделяющие скандинавские народы — варягов, как их тогда называли, и далекие страны Востока можно было преодолеть лишь по рекам. Полноводные реки Свирь и Оять использовались в качестве

именно таких водных путей. Здесь плыли купеческие караваны плоскодонных речных судов. В мелких местах или на речных порогах такие суда разгружались от товара и перетаскивались вручную. Затем нагружались снова, и плавание продолжалось.

Волжский торговый путь пересекал с севера на юг весь континент, так что путешествие растягивалось на много недель, и было опасным. Реки бывали довольно узкими, так что игнорировать местных жителей было опасно – они могли легко напасть на корабли с берега. К тому же караваны делали ночные остановки, люди высаживались на берег. В эти моменты и происходило тесное знакомство местного населения и путешественников — славян, греков и скандинавов.

Поскольку для этих краев указанный исторический период являлся бесписьменным, мы не имеем никаких документальных источников, свидетельствующих о контактах различных племен, как и вообще о функционировании Великого Волжского пути. Зато в нашем распоряжении многочисленные археологические артефакты, убедительно говорящие о том, что через заселенные вепсами земли проходил оживленный транзит товаров и путешественников Раннего Средневековья.

На карте показан Великий Волжский торговый путь. Как видим, он проходит через вепские земли, в Межозерье – от Онеги до Ладоги и дальше.

В древних курганах, где хоронили наиболее знатных вепсов, археологи часто находят украшения и другие предметы, имеющие местом своего происхождения далекие страны Востока или Скандинавии.

Не будем также забывать и о том, что совсем неподалеку находится Старая Ладога — столица варяжского правления на Руси. Отсюда легендарные варяги Рюрик, Синеус и Трувор, призванные местными, в том числе и вепскими племенами, правили обширными северными землями. Поэтому можно смело говорить о том, что земли Оятского края были своеобразным тигелем, в котором в неразрывное целое смешались славянская, финская и скандинавская культуры...

Археологические раскопки курганов - могильных насыпей, содержащие в себе древние погребения вепсов, проводились в долине реки Оять. В 1881 году, под руководством археологов Е.В. Барсова и Д.П. Европиуса, в Винницах рядом с местом, где сейчас стоит здание магазина по ул. Советской 77, были обнаружены курганы, и проводились раскопки. В советское время раскопки проводились под научным руководством А.М. Линевского.

Результаты раскопок курганов, говорят о том, что эти места были освоены еще в IX веке, а в районе села Гонгиничи были найдены следы стоянок древнего человека, которые относятся еще к более раннему периоду. Тянулись курганы по правому берегу реки Оять вверх по течению. В настоящее время места в Винницах, где располагались эти курганы, застроены зданиями.

Единственным незастроенным местом в центре села является Ансамбль Винницкого погоста. Это было местом, куда осенью приплывали на лодках по реке Оять княжеские сборщики податей или торговые люди.

Культовое место поклонения языческим божествам находилось, вероятно, где-то поблизости от этих курганов. В настоящее время мы не видим и не знаем, что могло быть объектом поклонения древних вепсов, которые жили здесь в курганную эпоху. Но это могли быть: еловая роща, каменное изделие, или изображение, высеченное на камне, родник или что-то другое.

Возможно, что этот объект находится где-то рядом и мы видим его, но не догадываемся о его прежнем значении...

В XII веке до вепских земель дотянулась рука Великого Новгорода — огромного государства, раскинувшегося на пространствах от Балтики до Белого моря. Великий Новгород активно осваивал новые территории, вел активную международную торговлю и являлся членом Ганзейского торгового союза — средневекового прообраза современного Евросоюза. После присоединения новгородцами местных племен, оятские земли включились в состав Новгородской республики и были отданы, на первом этапе этого процесса, в княжеское кормление. Своеобразие княжеского кормления заключалось в том, что в пользу князя собиралась часть налогов и пошлин, но земли оставались в государственной собственности Новгорода. Князь же в свою очередь, осуществлял судебные дела среди местного населения, и защиту от внешнего врага. Родоплеменная знать чуди стала напрямую подчиняться решениям вышестоящей княжеской администрации, составляя нижнее звено местного управления. Здесь уместно вспомнить о новгородском уставе двенадцатого века, в котором речь идет о чудских погостах, названия которых сохранились до наших времен. Это Юковичи, Тервиничи, Винницы. В те времена это были вепские территории, население которых было обложено данью в пользу Новгородского князя.

«Столицей вепского края» традиционно называют село Винницы. О происхождении названия этого села сейчас имеется несколько суждений, хотя, судя по звучанию, происхождение очевидно.

Здесь был основан один из первых новгородских княжеских погостов в Оятской земле. Здесь появились первые русские люди. Естественно, что местное население так и назвало это место: там, где русские — Venedsso. В новгородских документах это название записывалось по-русски — Веницы...

Первое упоминание о Венице встречается в договорной грамоте между новгородцами и архиепископом с одной стороны и новгородским князем, с другой стороны, которая датируется примерно 1259- 1264 годами. Текст этого договора был приложен в качестве дополнения к Уставной грамоте Святослава Ольговича от 1137 года «О церковной десятине».

В

указанном дополнении к договору сказано следующее: «А се Обонежьский ряд: во Олонци 3 гривны, на Свери гривны, в Юсколе 3 гривны, в Тервиничих 3 гривны, у Вьюнице гривны, устье Паши гривны, у Пахитка на Паши полгривны, на Кукуеве горе гривны, у Пермина грив, у Кокорка полгривны, на Масиеге низ Сяси полгрив, в поезде от всее земли владыце 10 грив, а попу две грив».

Этот договор фиксировал право предыдущего князя Дмитрия Александровича (1259-1263 гг.)— сына Александра Невского, на суд в Обонежье. Налог в одну гривну говорит о том, что населяло Веницкую территорию в этот период небольшое количество людей, а значит и вся территория была освоена еще очень мало. В договорных грамотах этого периода сказано, что крестьяне подчинялись своим старостам: "а кто смерд, а тот потягнет в свой погост". Кроме того, к концу XIV в. сами старосты, а в Веницах ими были вепские старейшины, были подвластны и княжеской администрации, и новгородским сотским. Слово «деревня», как говорят некоторые источники, происходит от древнерусского глагола «дърати» - пахать лесную полосу под посев и означало место, очищенное от леса и зарослей под пашню. Первоначальный тип деревни - отдельное пашенное хозяйство с отдельным двором. В дальнейшем слово «деревня» стало приобретать значение селения с очень малым числом жилищ, к которому принадлежало определенное количество пашни, сенокоса и леса. Все деревни Оятского края, согласно описания 1496 года, были малодворными. В основном один - два двора, очень редко можно было встретить в описаниях деревню с тремя дворами.

Реконструкция М.М.Герасимова древних вепсов из кургана на реке Оять.(Пименов В.В. Вепсы. Очерки этнической истории и генезиса культуры. М.-Л. 1965)

На самом деле, слово деревня, которое исторически всегда применялось к здешним поселениям, неверное и неточное. Оно экстраполирует привычные русским понятия на вепские реалии. То, что в Оятском крае называется деревнями — это типичные хутора. Точно такие же *maatila*, как в соседней Эстонии или в соседней Финляндии. Хуторское сельское хозяйство — типичный способ хозяйствования у всех финских народов.

Первым храмом в Ансамбле Веницкого погоста была небольшая часовня, построенная в начале 13 века. А в 1496 году на этом месте уже стояла церковь, освященная в честь пророка Ильи. Имя святого выбрано не случайно. Святой Илья в народной традиции - повелитель грома, небесного

огня, дождя, а также покровитель урожая и плодородия. Все это как нельзя лучше подходило для язычников - вепсов, это совпадало с их представлением о Боге.

Церковь Ильи-пророка была самой первой церковью в здешних местах. Отсюда пошло распространение христианства в Оятском крае. Остальные церкви и монастыри начали появляться на 50 лет позже.

Писцовые книги Обонежской Пятины за 1496 год и за 1563 год содержат первые письменные упоминания о Винницких храмах. Винницкий погост учтен там, как «погост Ильинский в Веницах на Ояте». В 1496 году там стояла церковь Великий Илья, где служили поп Климентий, дьяк Онкиф, сторож Осташко, а 1563 году уже две церкви – Святой Илья и Великомученик Егорий, там служили - поп Илья, дьяк Цыгарко, проскурница Евгинья и пономарь Федько.

В 1583 году запись в Писцовой книге гласит: «Погост Ильинский в Веницах на реке на Ояти. А на погосте церковь Илья Пророк, да другая церковь Страстотерпец Христов Егорий, обе деревянные стоят на Царя и великого Князя земле. Да на погосте ж поп Хотей Иванов, дьячок церковный Собинка Иванов, да проскурница Марьица».

Стоит обратить внимание на упоминание о дьяке Собинке Иванове: возможно, оно дает разгадку, почему гора рядом с церковью называется местными жителями «Собинкова» и откуда пошла фамилия Собинковы.

В 1628-1629 годах Писцовая книга указывает: «Погост Веницкий в Веницах на Ояти. А на погосте церковь во имя Рождества Пресвятой Богородицы, а другая церковь во имя святого пророка Ильи». Как видим, с этого времени погост стал называться не Ильинским, как раньше, а Венницким.

В Писцовых книгах 1496 года есть описание деревень Винницкого погоста. В то время в их состав входили деревни, которые располагались на территориях поселений Гонгиничи, Чикозеро, Каргеничи, Винницы, Немжа, Озера. Из этих книг нам известно, что новгородскому боярину Берденеву принадлежат земли в районе Чикозеро, по реке Падана, реке Шокша, по реке Оять от Винниц до реки Кузра. Эта территория получила название волостка - Чикусурье Ивановская, так как принадлежала сыну боярина Берденева - Ивану. В этой волости к 1496 году было 38 дворов и проживало 54 человека. При этом надо иметь в виду, что переписчики не учитывали женщин, детей, и стариков. Можно предположить, что общее количество населения проживающего в этой волостке

было не менее 200-300 человек. В писцовых книгах 1496 года есть указание на то, что деревня, которая стояла на устье реки Шокша, раньше называлась «двором». Можно предположить, что именно на этом месте стоял двор управляющего боярина Берденева. Место действительно очень удобное. По реке Шокша была связь с деревнями, расположенными в верхнем ее течении: Чикозеро, Шокшозеро и Гонгиничами, откуда через волок в реку Веранда и далее до реки Свирь...

По реке Оять удобно доставлять товары к реке Свирь, где проходил водный торговый путь. Этому же боярскому роду Берденевых стала принадлежать территория в районе озер Гонгинское, Оранжевое, Шокшозеро, Сяргозеро, которая стала называться волостка Михайловская, так как была в собственности сына Михаила. К 1496 году на этих землях стояло 33 двора и проживало 49 человек. Их управляющий жил во дворе, который стоял на озере Шокшозеро: - «Деревня Большой Двор: Микитка Михалев – старый ключник». Вероятно, в дальнейшем эта усадьба была

перемещена к озеру Гонгинскому, деревня теперь называется Великий Двор.

Боярин Широкий Яжжинский выкупил земли, которые получили название « волостка Ивановская». На землях этой волостки к 1496 году стояло 29 дворов и проживало 42 человека. Его владения были по реке Оять и частично по реке Тукша. Двор управляющего стоял в деревне Великодворская.

Боярин Федор Остафьевич Глухов владел волосткой Федоровской, на землях которой к 1496 году было 18 дворов и проживало 33 человека. Его земли были по рекам Оять, Сондала, и граничили с землями, принадлежавшими Марфе Исаковой (Борецкой) в Никольском погосте на реке Ошта. В 1496 году эти земли были переданы Колмову монастырю.

На землях принадлежащих Антонову монастырю к 1496 году стояло 74 двора и проживало 105 человек - это деревни в Немже, Озерах, на реке Тукше. В деревне Яковлевской на р. Тукша в месте впадения ее в реку Оять стоял двор, где жил их управляющий.

Боярину Овинову Ивану Захарьевичу принадлежит волостка Ивановская. Эти земли находились в районе Каргинского озера. К 1496 году там было 22 двора и проживало 30 человек.

Перечисленные бояре, были представителями очень древних и влиятельных новгородских боярских родов. Они являлись крупными землевладельцами и в других погостах Обонежской пятины, а также в других пятинах Новгородских земель. Скорее всего, сами они никогда не бывали в этих вотчинах, а управляли ими через своих посельских и ключников.

Примером тому может служить

берестяная грамота, найденная при раскопках в Новгороде. Условно она датируется 1360–1380 годами. Это отчёт сборщика податей новгородскому вотчиннику, вероятно владевшему этими землями, о ситуации на Ояти, в Пудоже, на Сямозере и на Шуе. « Сколько было в Пудогe празги, ту празгу взял Сергей — просто ранней семгой из Ояти. А я был в Пудогe на русальной неделе. А что касается сямозерцев, то я ходил [к ним], так как они [в настоящий момент] не платят, а [вообще] платят (= обязаны платить) потому, что нет договора о границах [угодий]. А теперь сямозерцы в городе (т. е. в Новгороде), говори с ними сам. Я же, господин, скоро буду. Я тут тебе рыбки послал. А в Шую ни людей, ни лова».

Русальная неделя или Проводы русалок - это языческий праздник, который отмечался местными жителями в июне. Празга - это плата за аренду: реки, озера, лесных угодий. Грамота указывает на то, что одним из видов получения землевладельцами доходов была сдача оятскому населению в аренду речных и озерных промыслов. Арендную плату они старались получить лососем, так как его мясо очень ценилось на рынках Новгорода. За бочку в 100 килограммов этой рыбы можно было выручить около 3 рублей. На эти деньги можно было тогда купить 3 лошади.

К концу XV века все земли Обонежья, а в том числе Оятские земли перешли в собственность новгородских бояр и монастырей, а вместе с этим, местное население стало зависимым от этих собственников.

Новгородские бояре, архиепископы, и другие богатые люди скупали у местных общин

земли, леса, озера. Заводили рыбные и звериные промыслы, ставили на этих землях починки, заселяя их своими холопами и пришлыми русскими крестьянами. Места для поселения выбирались с учетом транспортных путей. В нашем случае это были реки и озера, находящиеся в бассейне реки Оять, которая была основной транспортной артерией, связывающей новые территории с Новгородом. Новые землевладельцы посылали сюда ключников и посельских для сбора податей с местного населения. Управляющие строили для себя большие дома, которые назывались Большой двор. Эти дворы были центром управления и местом, где хранилось зерно и другие сельские продукты, пушнина, доставляемые крестьянами в качестве оброка за аренду земель.

В составе новгородского государства Оятский край находился до тех пор, пока сам Великий Новгород со всеми своими обширными землями не оказался покорен Московским княжеством. Поводом для вторжения на Новгородские земли у великого князя Ивана Васильевича было то, что в конце XV века Великий Новгород заключил ряд дружественных договоров с королем Великого княжества Литовского Казимиром Четвертым.

Москва поняла этот поступок правильно: Новгород окончательно избрал европейскую ориентацию и решительно уходил из-под влияния полуазиатского московского царства...

Это был один из поворотных, ключевых моментов в Российской истории.

Схожими со Скандинавией в культурном и экономическом плане могли стать земли вепсского Межозерья, если бы Великий Новгород понимал тогда, что свободу надо уметь защитить. Надо быть готовым отстаивать ее... Иногда даже ценой жизни.

Это было в 1470 году. Действия Новгорода Москва объявила изменой, и реакция Ивана III была мгновенной. Ранние заморозки под Новгородом сделали болота быстропроходимыми. Малочисленными, но профессиональными силами (всего 5.000 против 40.000 новгородских «ополченцев») Москва нанесла Новгороду сокрушительный удар. К месту старая пословица: «не хочешь кормить свою армию - будешь кормить чужую». Зарождающаяся российская демократия и «европейский выбор» Великого Новгорода потерпели сокрушительное поражение.

В 1478 году великий князь Иван III в очередной раз двинулся на Новгород, вошел в него, и снял вечевой колокол. С этого времени с самостоятельностью Господина Великого Новгорода было покончено навсегда, а его владения вошли в состав Московского государства.

В 1484 году крупных новгородских бояр переселяют в Подмосковье и поволжские города, где они получают земли из государственного фонда, а их вотчины были конфискованы. Среди этих бояр были и те, которые владели землями в Веницком погосте на Ояти. На место их были присланы из других мест верные Великому князю служилые люди. Все они были издалека, не видели другой жизни, и даже не помышляли о дружбе с Европой. Этим благонадежным людям московские власти выделили часть конфискованных новгородских земель, которые назывались поместьями.

После конфискации боярских земель Иваном III в истории Оятского края происходят значительные перемены. Все конфискованные Иваном Васильевичем земли составляли его собственность. Он мог предоставлять их в условное владение помещиков, как это произошло в Никольском погосте в Ярославичах, где земли были переданы московскому боярскому роду Скобельцыных, которые верно служили при царском дворе.

С переходом Заонежских погостов (за исключением вотчин и поместий) в разряд дворцовых, из Москвы в них стали назначать управляющих – приказчиков. Согласно указа Бориса Годунова (1598–1605 гг.) приказчику поручалось: сбор всех видов государственных налогов; оперативное руководство («всякие дела делати»); суд над крестьянами и исполнение приговоров; вопросы заселенности – зазыв сторонних крестьян и борьба с их уходами и «выводами»; наблюдение за правильностью выборов должностных лиц в органы самоуправления и за их деятельностью; борьба с нарушителями казенной монополии на спиртные напитки. Особо подчеркивалось, что все без исключения дела должны проводиться приказчиком только с участием представителей населения – священниками, должностными выборными лицами, «людьми добрыми». Самоличные действия, в том числе суд и управа, запрещались. Их первым местопребыванием была выбрана Ошта - стан, ставший центром управления всеми погостами.

В 1648 году была образована Олонецкая приказная изба, которая разместилась в Малом городе Олонца. Воеводы Фёдор Волконский и Степан Елагин перевели в новый административный центр четырех подьячих из Ошты, бывшего административного центра.

Конфискация земель частных владельцев произвела большую перемену в положении крестьян Оятского края, переведенных на оброк и записанных за великим князем. Крестьяне эти стали называться крестьянами царя и великого князя, а земли и воды, отписанные на великого князя, стали предоставляться в их непосредственное пользование и облагаться оброком в государеву казну взамен прежних повинностей в пользу землевладельца. Так возник своеобразный вид поземельных отношений, о котором крестьяне в памятниках конца XV и XVI века говорили: "то земля царя и великого князя, а нашего владения". Те же земли назывались еще: волостными, тяглыми, черными. Что же касается правительства, то оно определяло только повинности крестьян с этих земель.

Крестьяне состояли на казенном оброке до тех пор, пока правительство не находило нужным назначить землю, на которой они сидели, кому-либо в поместье или отдать монастырю. С этого момента помещик становился владельцем земли на поместном праве, монастырь на основании жалованной грамоты, а крестьяне сидели на земле того или другого помещика или монастыря, согласно с теми условиями, которые предъявлял им новый землевладелец; а не нравились условия, они могли уйти. Так могло происходить до царского указа 1649 года. После этого указа крестьянин был закреплен за той землей, на которой он жил, и лишался права покинуть ее.

Древние Писцовые книги сохранили для нас сведения о конкретных людях, живших и трудившихся в Оятском крае. По этим записям мы можем представить себе судьбу, а зачастую – попытаться даже реконструировать их личности.

В 1496 году старостой в Озерском крае был Минкя Оверкеев. Об этом говорит запись в писцовой книге, сделанная биричем Кондраткой: « Деревня у часовни. Минкя Оверкеев староста, да сын его Минкя сеют ржи три коробьи, сена косят 15 копен. Две обжи, а доходу две гривны». Сравнения записи о доходах Минки Оверкиева с доходами других жителей, показывают, что он был большим. Учитывая то, что старостами избирались достойные, имеющими большое крепкое хозяйство, уважаемые люди, его род можно отнести к представителям родоплеменной вепсской знати.

В 1563 году старостой был «Истомка Михайлов, да брат его Степанко, сеют в поле три коробьи, сена косят 15 копен». Скорее всего, Истомка Михайлов - это родственник Минки Оверкиева,

предыдущего старосты. Памятью о том, где жил род этого старосты, вероятно, может служить деревня Мининская при реке Оять, название которой сохранилось до наших дней.

В 1496 году в деревнях Заозерья, часто встречается упоминания о крестьянах, вероятно, связанных родством с неким Окулко: Окулко Микулов, Максимков след Окулова, Юшко Окулов, Окулик Левонов, Пустошь Иванко Окулова. До наших дней дошло название деревни Окуловская, которая находится в Заозерье. Это дает нам основание считать, что род Окулки одним из первых начал осваивать территорию Заозерья. Окулкин род, как видно, успешно разрастался, необходимо было расширять зерновые посеиы. Для этого изыскивать и осваивать новые земли под пашни и подсеки, и они одними из первых начали осваивать территорию у Сарозера. Об этом говорит запись в Писцовой книге 1496 года: «Деревня на Сар — Озере. Мартынко Окулов сеет ржи три четверки, сена косит пять копен, пол обжи, а доходу 3 гривны, а ключнику московка».

На том же озере была «деревня и двор Сенки Понкратова, да сосед его Нифонтика. Сеют ржи коробью, сена косят пять копен, две трети обжи, а доходу 10 денег, а ключнику деньга». Род Понкратовых тоже был большим и проживал в нескольких Озерских деревнях: у часовни - Ондрейко Понкратов, на Ояти в Озерах - Матвейко Понкратов, в Озерах на Меньшом- дворе Палки Понкратова. До наших дней дошло название деревни Андреевская – Панкратова.

«Деревня на Сарозере - двор Сидорик Захаров, да сын его Гаврилко сеют ржи коробью, сена косят 10 копен, а дохода 8 денег, а ключнику деньга.

Деревня на Сарозере двор Васка Сенкин сеет ржи четверку, сена нет. В двух деревнях две трети обжи». Васка Сенкин, вероятно, сын Сенки Понкратова, жил рядом с отцом.

В книгах 1563 года мы впервые встречаем упоминание о легендарном Киприяне: «Деревня на Сар озере. Двор Федко Киприянов, да сусед его Михалка, сеют в поле ржи коробью, сена косят пять копен. Две трети обжи». Эта запись интересна тем, что указывает на Федко Киприянова, память о котором сохранилась в названии деревни Киприяновская, и дошла до наших дней. Федко Куприянов с семьей жил в районе деревни Шондовичи, и трудился на землях, принадлежавших помещикам Богдану и Ивану Судаковым. В период между 1530-1563 годами он решил переселиться на земли великого князя, то есть государственные, в район Сарозера. Это примерно в 10 верстах от их прежней деревни. В те годы это можно было еще делать, крестьянин не был закреплен за той землей, на которой он жил.

Решиться на переселение, хотя это было и не далеко, могли не многие семьи: на новом месте надо было начинать все заново. Строить дома, готовить землю под пашню, покосы, а для этого надо было очистить территорию от леса. Но, видно, сильно «достал» своих крестьян помещик Судаков, и вот род Киприяна решился на переселение. Киприян, ушел из деревни Судакова, но некоторое время еще продолжал пахать помещичьи земли. Вероятно, за свою работу он получал от помещика часть урожая ржи, а возможно, отрабатывал долги.

Глава вторая.

Вепсы и русские

О том, как складывались взаимоотношения между первыми русскими поселенцами и вепским населением, документальных фактов не встречается.

Финны, или как их тогда называли – чудь, никогда не являлись диковинкой для Новгородского государства. Финны всегда составляли значительное число населения

Новгородской земли, да и самого Великого Новгорода. Это вообще было двуязычное государство. Среди знаменитых берестяных грамот X-XII веков, в изобилии найденных археологами в Новгороде и ныне широко представленных в Новгородском Историческом музее, едва ли не большая часть написаны на финском языке.

Другое дело, что финско-русское двуязычие Новгородского государства в любом случае базировалось на кириллической, то есть славянской грамотности, и официальные документы всегда писались на русском языке.

Во всяком случае, конфликты на чисто национальной основе вряд ли вообще имели место. Среди пришедших и овладевших этими землями новгородцев было наверняка немало новгородских финнов, так что об этнической чужеродности не могло быть речи...

Скорее уж речь шла о розни религиозной.

Одновременно с освоением территории новыми землевладельцами, на их землях появляются христианские священники. У православной Церкви появилась возможность, более активно заниматься продвижением христианства среди местного языческого населения. Хотя с 1227 года местное население официально числилось православным, оно сохранило в большинстве своем языческие верования. Подтверждения этому есть в грамотах новгородских архиепископов от 1534, 1548 и 1660 годов. В них говорится о том, что местное население молится не в церквях, а на своих «мольбищах»: поклоняются деревьям и камням, местные жрецы арбуи пользуются авторитетом. Обряды совершаются с приношением в жертву животных. Грамоты требуют разорения и сжигания таких мольбищ.

Есть факты, подтверждающие, что население противилось проникновению христианских обычаев. К ним можно отнести случившееся в 1680 году с монахом Макарием, основателем Высокоезерского монастыря в Кривозере, которого замучили до смерти. Результатом этого противоречивого процесса явилось сложение своеобразного православно-языческого комплекса, который пронизывал всю народную культуру вепсов. До сих пор сохранились места бывших поклонений: «Крест-камень» в деревне Немжа или «Пещера» в районе деревни Ярославичи.

Наиболее ярким примером может служить религиозная практика «заветов». Желая получить что-то от языческих богов — духов леса или тотемных покровителей, древние вепсы приносили в места поклонения предметы — одежду, украшения, или же просто повязывали разноцветные ленты на ветви дерева. А после принятия православия здешние храмы или часовни сделались точно такими же местами принесения «заветов» - типичный пример непосредственного смешивания христианства с язычеством...

В новгородских писцовых книгах не указывалась национальность населения, проживающего в описываемых деревнях. Впрочем, «русские» имена упоминаемых в книгах жителей Оятского края не должны никого вводить в заблуждение. Имена крестьянствовавших здесь хозяев были греческие или еврейские, данные им при крещении в православной церкви. А сами носители этих имен, вероятнее всего, вообще не знали русского языка...

Процесс ассимиляции вепсского населения происходил без коренного изменения этнического состава населения, а как следствие постепенного - через этап двуязычия - перехода финского населения на русский язык.

Этот процесс прекрасно описан великим просветителем Э.Леннротом.

В 1842 году выдающийся ученый — исследователь финских языков и культуры Элиас Леннрот совершил длительную экспедицию в Прионежье с целью изучения вепсского языка и культуры. В путевых заметках и письмах Э. Лённрота особенно интересны его суждения об языковой ситуации у вепсов. Они отражают представления автора о ценности народной культуры и языка, часто неосознаваемые его носителями. Он с горечью отмечал: «Где уж им догадаться, какие преимущества скрыты в возможности говорить на родном языке, который считается непреложным даром природы». В уездных городах Лодейном Поле, Вытегре и Белозерске, как пишет Э. Лённрот, «по триста – четырёхста человек говорят по-чудски, или на вепском языке».

Поездка по двадцати вепским деревням произвела на Э.Леннрота тягостное впечатление. В большинстве вепских поселений, находящихся на окраинах вепсской земли или оказавшихся островком среди русского окружения, процессы обрусения были особенно заметными. Э. Лённрот пишет, что «из них лишь в пяти наряду с русским говорят и на вепском, а в остальных этот язык уже вымер. А поскольку нынче в этих пяти деревнях даже дети разговаривают между собой по-русски, нетрудно предугадать, что через столетие и вепский язык будет лишь как предание о том, что когда-то в прежние времена их прадеды общались на каком-то другом языке, отличном от русского».

Основная причина ассимиляции вепсов лежит, конечно же, в экономической плоскости. Этот процесс заметно усилился после реформ 1861 года, когда активно стало развиваться частное предпринимательство. Даже были предприняты попытки устроить чугунолитейный завод в районе современных Винниц. Лесные богатства в бассейне реки Оять привлекли сюда денежные капиталы и русских специалистов. Стали активно развиваться лесозаготовки, и доставка древесины в Санкт Петербург, которые требовали много рабочей силы. Все местное население активно участвовало в процессе лесозаготовок, что в свою очередь увеличило их контакты с русскими.

Были и другие сферы, где вепсы активно сотрудничали с русским населением, выезжая за пределы своего постоянного места проживания. В этот период из вепсской среды вышло много крупных лесопромышленников и купцов, таких как Корнышевы из Винниц, Ефимовы из Гонгинич. Для местного населения эти работы были жизненно необходимы. Вот что писала газета «Олонецкие Епархиальные Ведомости» в 1861 году о жителях Гонгинич: «Промышленность и занятия крестьян, кроме хлебопашества, составляют: вывозка дров и бревен, летние заработки на Вознесенской пристани и на реке Свири. Здесь приобретаются ими деньги, и на обеспечение семейств недостающим хлебом и на уплату податей. Вообще надобно сказать, что наши прихожане отличаются ленью и праздностью. Между 600 душ мужского населения прихода, нет почти ни одного ремесленника - ни печника, ни столяра, ни портного, ни кузнеца, а только малая часть сапожников».

Информация о национальности местных жителей появляется только в переписи населенных мест за 1873 год, где сказано, в каких деревнях проживало чудское население, а в каких русское. Вепское население по реке Оять на этот период времени проживало в деревнях: от деревни Мустиничи до деревни Чур-порог и от деревни Немжа вверх по течению реки Ояти. В Чикозере, Каргеничах, Лодвозере, Тукшозере так же проживало чудское население.

В деревнях по реке Оять от реки Кузры до реки Тукши, а также деревнях Гонгиничи, Крестнозеро, Шокшозеро чудское население не указано. Вероятно, большинство населения в этих деревнях к тому времени общалось между собой на русском языке, и при переписи учитывалось, как русские.

Особое влияние на вепсов оказало зарождение национально-освободительного движения в Карелии, которое было тесно связано с финским национальным движением. В подготовленной его активистами в 1905 году петиции к I Государственной Думе наряду с общедемократическими требованиями впервые открыто поднимались вопросы о необходимости содействия этническому развитию инородцев, их языков. В обращении содержались требования о переходе ко всеобщему начальному образованию, об обеспечении доступа «достаточного числа лиц из низших школ с инородческим языком в русские учительские семинарии», о желательности знания местных языков чиновниками, о проведении богослужения на местном языке.

Судя по тому, что в 1911 году вепсский крестьянин Г. Елькин из села Ярославичи написал пьесу на вепском языке «На сплавной реке», которая, вероятно, являлась переводом на вепсский язык одноимённой пьесы финского писателя Тойво Паккала о борьбе рабочих за свои права, идеи о социальном равенстве достигали весьма отдаленных вепсских деревень. Сообщалось, что состоялось несколько представлений пьесы, но по политическим мотивам постановки были запрещены.

Глава третья

О временах недавних

Для рассматриваемого нами Оятского края помещичье землевладение было не особенно характерно. В интересующем нас кусте вепсских деревень только Пелдуши находились в руках частного лица — помещика. Что же касается Сарозера, Озер, Немжи, то эти деревни были в государственной собственности.

Положение крепостного крестьянина и государственного сильно различалось. Крепостной крестьянин жил по правилам, установленным для него помещиком, и во многом зависел от его прихотей, особенностей характера. Одним словом, крепостной крестьянин почти полностью зависел от частного лица. Конечно, в Российской империи существовали законы, регламентирующие подобные отношения, однако на практике крепостной крестьянин оставался сильно зависимым, и плохо защищенным от произвола и злоупотреблений.

В то же время государственные крестьяне находились в ведении Уездной Казенной палаты в лице ее специального отдела — «По крестьянским делам присутствия». А чиновники просто руководили вверенными им казенными крестьянами в соответствии с законами, и в этом смысле были совершенно беспристрастны — у них не имелось никакого личного интереса.

Интересные сведения об Оятском крае, с восемнадцатого века относившемся к Лодейнопольскому уезду Олонецкой губернии, содержатся в книге Владимира Дашкова «Описание Олонецкой губернии». Действительный статский советник В. Дашков в течение нескольких лет служил чиновником в Олонецкой губернии, и по возвращении своем в Санкт-Петербург в 1842 году опубликовал книгу, изобилующую плодами наблюдательности и интереса к краю.

«Промышленность жителей состоит в препровождении судов, идущих по реке Свирь, в рубке и гонке корабельных лесов и дров, жжении угля и небольшом хлебопашестве».

Небольшое хлебопашество — важное замечание. Здешные крестьяне вынуждены были обрабатывать мало количество пахотной земли, и к тому же низкого качества, так что урожаи тут были маленькие. Главными занятиями вепских крестьян были отнюдь не земледелие, а охота и промыслы, связанные с лесным хозяйством.

«Грунт земли» - пишет В. Дашков: - «глинистый, каменистый и болотистый».

Об охоте, как главном занятии местных жителей, В. Дашков пишет много и увлеченно. Оказывается, zdeшные жители сами делали винтовки, и это в 1842 году! При этом винтовки, как с удивлением сообщает автор: «верно бьют на сто шагов». По тем временам даже знаменитые английские оружейные заводы не часто могли похвастаться такой точностью.

«Настоящие полесовщики имеют по две винтовки: одну малопульную (по 200 пуль из фунта свинца), а другую большепульную (по 100 пуль из фунта свинца). Последними бьют оленей и не боятся нападать на медведей. Всякий полесовщик имеет карельскую собаку, похожую величиной и видом на лисицу. Собаки сии лаем указывают птицу, белку или иного зверя, которых без сего по огромности лесов отыскивать трудно».

Видимо, статский советник В. Дашков сам был заядлым охотником, потому что подробно описывает охотничьи обычаи оятских вепсов.

«Пороха кладут весьма мало, и пулю завернув в тряпочку, обмазывают маслом и туго прибивают: выстрел от этого бывает сильнее».

Охотник проводит иногда по целым неделям в лесу. Устраивает там себе жилище, и свою полудикую жизнь, соединяя с беспечностью, проводит незаметно».

Еще В. Дашков указывает на то, что «проселочных дорог между селениями нет, и сообщение производится верховое». А поскольку зимой и лошадь по zdeшним местам не пройдет, жители передвигались исключительно на лыжах. Сами лыжи для легкости передвижения подбивались оленьей шкурой, шерстью вверх...

Как видим, история на целые века словно застыла в Оятском крае. В 1842 году статский советник В. Дашков описывает жизнь, которая царила здесь и тысячелетие назад. Ну, за исключением винтовок...

Спустя еще сорок лет, в 1879 году министр внутренних дел Российской империи статс-секретарь Л.С.Маков посетил Олонецкую губернию, и об этом имеется отчет. Отметив низкий уровень земледелия и исключительную бедность населения Оятского края, министр обратился с вопросом к олонецкому вице-губернатору: какие могут быть приняты меры к поднятию уровня земледелия в Лодейнопольском уезде?

Вице-губернатор назвал две главные меры: «Устройство тележных дорог между селениями, которых здесь не существует от начала мира», а также «осушение болот, если не для хлебопашества, то хотя бы для луговодства».

Все эти благие намерения, разумеется, остались на бумаге. Над Оятским краем летели века, как дни, а эти места оставались непроходимыми и непроезжими, со скудной землей и бескрайними лесами — царством зверей и охотников.

Прошло еще тридцать лет, и Лодейнопольский уездный комитет по сельскохозяйственной промышленности 1 августа 1902 года меланхолично записал в своем решении: «Уездный комитет признает, что сельское хозяйство на пути прогресса не продвинулось ни на шаг, а находится в состоянии первобытном, чему причиной служит косность населения и скудость почвы».

Особенно резким на том заседании было выступление Председателя уездной земской управы А.Н.Неелова. Сетуя на скудость жизни и плохое питание крестьян, он отметил: «Скота население держит совсем ничтожное количество, и притом крайне мелкого. Корову едва отличишь от козы».

Хозяйственная и бытовая культура жителей Оятского края отличалась большим своеобразием, сохранившимся до совсем недавних времен. Принципы постройки домов, одежда, бытовые правила и обычаи отчасти совпадают с русскими, но зачастую имеют значительные национальные особенности.

Удаленность большинства вепсских территорий от городских и районных центров, отсутствие системы сухопутных дорог способствовало длительному сохранению архаичного уклада жизни местного населения. Многие деревни сохраняли семейно-родовой принцип расселения.

На семью в среднем приходилось 7-8 человек. В доме было иногда до трех невесток. Хозяином считался старший по возрасту мужчина. Старшего сына после женитьбы отделяли - строили ему новый дом. Последний сын оставался в отцовском доме.

Дома выглядели в виде буквы «Т» или «Г», Если в виде буквы «Т», то одна сторона дома была зимней, где была печь и лежанка, а другая сторона дома летней, там летом ночевали.

Зимнюю и летнюю стороны разделяли сени, от которой был выход на сарай и хозяйственный двор и там же устраивали туалет. В некоторых домах, для входа на сарай, строили наклонные въезды, так, чтобы можно было на лошади с санями заехать внутрь сарая. Крыши домов были двухскатные. В старые времена крыты соломой или тесом. Дома снаружи не запирались, а внутри

дверь запиралась с помощью деревянной «заложи». Лес для постройки дома рубили зимой, до сокодвижения, как правило сосна или ель. От коры бревна отчищали весной, когда кора отойдет от мороза. Вход в дом вело наружное крылечко.

Жилое помещение состояло из одной большой комнаты, если дом был «четверостенок» и из двух комнат, если дом был «пятистенок». В пятистенке, в другой комнате, располагалась лежанка – небольшая, низкая печь с лежаком, на которой мог лежать один взрослый человек.

Утварь дома была скромной. Широкое распространение имело изготовление утвари из прутьев, коры, сосновой и еловой щепы. Умели выделять кожу, а сапожника, как правило, приглашали в зимнее время. Посуда была глиняная: горшки для приготовления пищи в печи, горшки для теста и хранения молока, миски, тарелки, кружки, рукомойники, кувшины, формы для киселя, чайники. Большое место в доме занимала печь, в углу стоял большой стол, по сторонам стен широкие лавки для сидения, а поверх стен полки для хранения. Напротив печки стояла большая деревянная кадка с водой. Еще стояла одна деревянная кровать. Дети спали на полу, на соломенных постелях. Почти у каждой семьи была баня, которая топилась по черному, но зимой, в сильные морозы, из-за нехватки дров, многие семьи мылись в печке.

Одежда старших поколений состояла у мужчин: домотканая рубаха (paid), нижние и верхние домотканые штаны (kadgad) белого цвета. При работах носили балахон (balafoŋ), который подпоясывали ремнем или кушаком, за поясом можно было держать топор. В холодное время года носили шубы (revu) из овечьих шкур. Для изготовления зимней верхней одежды использовался мех домашних и диких животных. В этом плане заслуживает внимания сообщение арабского путешественника XII в. Абу Хамида ал-Гарнати о жителях земли Вису: «А на некоторых из них бывают шубы из превосходных шкурок бобров, мех этих бобров повернут наружу...»

У женщин: сарафан(sarafon), рубаха, душегрейка, передник. Сарафан одевался на рубаху (rätsin), состоящую из двух частей: станушки (ema) – нижней части, сшитой из четырех полотнищ домотканого грубого белого холста, и рукавов (hijamad). Поверх сарафана на талии повязывался передник (fartug), в основном красного цвета. Для окраски ткани использовались ивовая и ольховая кора, лук. Вышивкой украшали обрядовые полотенца, подзоры на кровать, подола рубах. Вышивка выполнялась на отбеленном льняном полотне домашнего изготовления. Вышивали красными и белыми льняными нитями. Зимнюю верхнюю одежду женщин составляли овчинные шубы и полушубки. Рабочей одеждой были балахоны. Берестяную обувь представляли лапти двух видов (virzut, stupnäd) и плетеные сапоги (upakod). Зимней обувью были валенки, которые выделяли местные умельцы.

Основными занятиями населения было сельское хозяйство, лесные и подсобные промыслы. Преобладало подсечно-огневое земледелие. При коротком лете, примитивности сельскохозяйственных орудий труда и бедности населения, это был самый рентабельный способ ведения хозяйства. С первой подсеки на жирных почвах снимали четыре урожая (два – ржи, два – овса), а на худых почвах два (рожь и овес). После этого ниву бросали. На том же месте подсеку возобновляли через пятнадцать-двадцать лет. Огородов вблизи домов не было. Из-за специфических природных условий (сильно пересеченная местность, обилие тяжелых и каменистых почв), пашни не составляли сплошной площади, а были разбросаны по отдельным полянам между озерами и болотами. Часто пашни располагались за десятки верст от деревни. На своих полях крестьяне выращивали овощи, рожь, овес, ячмень, лен, горох, бобы, репу. Сельскохозяйственный инвентарь для обработки полей состоял из архаичных по форме

деревянных орудий: сохи из березы и бороны из расщепленных стволов ели - сухими ветвями к земле, сверху которой, в зависимости от почвы клали камни.

У вепсов использовался необычный способ соединения жилья и хозяйственных строений, когда к избе и двору под «одной связью» пристраивалась под прямым углом вторая жилая изба. Такой вид связи практически не встречается в строительной традиции русских и карелов. У вепсов имеются аналогичные старинные постройки с «чёрной» избой, что отражает давность такой традиции. Их называли черными, поскольку они отапливались печами без дымохода. Дым выходил через специальное окно и отверстие в потолке, которые закрывались после окончания топки, а потолок и верхняя часть избы становилась чёрной от копоти.

Вепские жилища отличались от соседей и соединением жилых и хозяйственных построек через переход – «uuk», «tanazpordhad» – дополнительные «дворовые» сени, имеющие собственную крышу, что было нетипично для построек рядом живущих карелов и русских. Дом и двор непосредственно примыкали друг к другу и обычно строились под одной кровлей. В дворовых сенях хозяйка, направляясь в хлев, переодевала обувь, одежду.

Дворы у вепсов, независимо от высоты дома, как и везде на севере, были двухэтажными. На верхний этаж двора – сеновал – вёл взвоз (бревенчатый помост), по которому лошадь с телегой или санями заезжала на второй этаж двора. Здесь хранили сено для скота, хозяйственный инвентарь, средства передвижения, летом спали семейные пары. Ближе к сеним выделялось место для разных хозяйственных работ – починки упряжи, сбруи, телег, саней. Нижний этаж был хлевом, где содержался скот.

Типичная «черная» изба вепсов в виде пристройки под прямым углом. (Из материалов Российского Этнографического музея).

Вепские деревни Оятского края всегда были крайне малы. Это диктовалось суровыми хозяйственными условиями. По данным 1910 года из 707 деревень Лодейнопольского уезда только 260 имели более 10 домов.

Из куста деревень, расположенных в Винницкой волости, лишь сами Винницы представляли собой сколько-нибудь значительное поселение.

Дом в деревне Барское Сарозеро. Фото Эстонского национального музея. 1972 год.

Следующей по размерам шла деревня Озерки, ныне называемая Озера. По вепским представлениям это был весьма крупный населенный пункт: 19 домов, 27 семей. Население составляло 55 мужчин и 44 женщины. При этом на всю деревню приходилось 16 лошадей и 23 коровы.

В 1873 году в деревне Сарозеро было 18 домов, 41 мужчина и 60 женщин.

В 1905 году в Сарозере было уже 25 домов, в которых проживало 25 семей: 59 мужчин и 60 женщин. Имелось 23 лошади и 31 корова.

Деревня Сарозеро развивалась довольно быстро. Уже спустя два года, в 1907 году в ней числилось 35 дворов вместе с окрестными хуторами, а число жителей перевалило за полторы сотни.

На Сарозере есть остров, который имеет название Святой, а на нем крестьянами деревни была поставлена часовня в честь святого пророка Ильи. В часовне отмечали православный праздник - Ильинскую пятницу.

Ильинская пятница — традиционный праздник в честь преподобномученицы Параскевы. Он совершается в последнюю пятницу перед днем памяти пророка Илии, который приходится на 2 августа. В этот день в часовне на острове при большом стечении людей проходила торжественная служба. Люди «заветники» — клали заветы — сходить в заветный день в часовню или церковь, оставляли там дары: платки, шерсть, сорочки, масло, яйца. Эти дары после службы давали священнику в церковь. Если заболел ребенок, мать тоже клала завет — в заветный день брала ребенка и шла в часовню.

В Сарозере было еще два праздника, которые традиционно отмечались всем миром. Это так называемый Никола-зимний в конце декабря, когда гуляли всей деревней три дня, и Радоница — старинный языческий праздник поминовения умерших, или Тризна, в православии получивший название Родительский день, отмечаемый на девятый день после Пасхи. Однако, Радоница отмечается на кладбище, а своего кладбища в Сарозере не имелось — ходили всей деревней на кладбище в Шондовичи...

Напротив деревни Киприяновской, через озеро, располагалась деревня Нестерова Гора.

В этой деревне в 1905 году было 5 дворов на 5 семей: 19 мужчин и 16 женщин, а также 7 лошадей и 14 коров.

На ручье, который, впадает в озеро, были построены мельница и кузница. Эта кузница строилась при непосредственном участии известного местного лесопромышленника Корнышева И.И., который имел партнерские отношения с Прокопьевым Е.С.- жителем этой деревни.

И.И.Корнышев, кроме того, что был меценатом, еще увлекался всевозможными техническими новшествами. Он и предложил новый по тем временам проект кузницы, где кузнечные меха приводились в движение при помощи водяного колеса. Для этого здание кузницы поставили рядом с ручьем, на котором была сделана плотина для поднятия уровня воды. Вероятно, такая кузница была одной из первых на всю Винницкую волость.

Как видим, деревня Сарозеро вместе со всем Оятским краем, стабильно, хотя и медленно, развивалась. Понемногу росло население, увеличивалось количество дворов, а значит — и

количество пахотной земли, росла производительность труда благодаря техническим усовершенствованиям.

Всему этому пришел конец после Октябрьского переворота и установления советской власти.

Советский период истории Оятского края начался с бессмысленного и кровавого злодейства. Уже в 1918 году местные жители под влиянием идей Октябрьского переворота начали грабить местных предпринимателей и богатых односельчан. Отбиралось оружие, все имущество – движимое и недвижимое, включая скот и одежду, а люди изгонялись из родных мест. Нагляднее всего это можно увидеть на примере Ивана Ивановича Корнышева – младшего – последнего представителя здешнего рода предпринимателей и меценатов, известных своими передовыми идеями и благотворительностью.

В январе 1918г в селе Пидьма крестьянский сход обратился к Ивану Корнышеву с ультиматумом: «Иван Иванович, ты нам дал на кооперацию сто тысяч рублей, дай еще столько же!» Далее участники сходки, настроенные решительно, требовали от Корнышева И.И. оставить себе один дом и часть денег и «тогда живи у нас, как у Христа за пазухой». Вероятно, Корнышев И.И. догадался, как будет жить «у Христа за пазухой» и, оставив все добрым односельчанам, уехал в Винницы.

Впрочем, это ему не помогло.

22 декабря 1918 года представители советской власти описали имущество Корнышева И.И. уже в Виннице. Таким образом, все имущество оказалось конфискованным, и тем не менее, Иван Иванович оставался в деревне.

Фото усадьбы Корнышевых в с. Пидьма, начало XX века.

Вероятно, никакой смертельной опасности он для себя от новой власти и своих односельчан не ожидал, так как совесть перед ними у него была чиста. Естественно, он мог уехать в Петроград и затеряться там, или же вообще эмигрировать, как сделали многие. Однако, И.И.Корнышев ничего дурного не подозревал. Вероятно, отдав все свое имущество добрым односельчанам - новой власти, он полагал, что больше у него отобрать нечего. Иван Иванович ошибался: добрым односельчанам была нужна его жизнь...

В конце января 1919 года Ивана Ивановича Корнышева и еще трех его состоятельных односельчан без всякого суда просто вывели из домов и расстреляли. Корнышева и его соседа Григория Елисеевича Елюкова – на льду реки Оять, а трупы убитых бросили под лед. Двух других – И.Е.Афонькина и престарелого Д.П.Калкасова увели на кладбище, и расстреляли там.

В Винницкой библиотеке есть книга, посвященная 50- летию становления советской власти в Винницах, написанная от руки сотрудниками библиотеки, составленная на основании воспоминаний активных участников тех событий. Там написано: « Первый волостной съезд, осенью 1918 года вынес постановление о расстреле И.И. Корнышева, И.Е.Афонькина, Г. Елюкова, Д. Калкасова, в ту же ночь на льду реки Ояти приговор привели в исполнение». Из этого текста понятно, что решение о расстреле было принято и поддержано большинством депутатов, а

значит большинством жителей Винницкой волости, и моральная ответственность за убийство этих людей ложится на всех винничан и их потомках.

В этом месте в январе 1919 года расстреляли И.Корнышева и Г.Елюкова

Злодейское убийство ни в чем не повинных людей было настолько бессмысленным, что вызывало недоумение даже у самих организаторов красного террора. Выступая на Восьмом Съезде РКП(б) в марте 1919 года председатель Северной коммуны Григорий Зиновьев сказал: «В Лодейнопольском уезде, когда пришло известие об убийстве Карла Либкнехта и Розы Люксембург, взяли да и убили несколько человек из местной буржуазии, говорят на убийство Либкнехта надо отвечать Красным террором».

Думается, конечно, что дело тут было вовсе не в Розе Люксембург, о которой местные крестьяне вряд ли имели отчетливое представление. Революция и общее ощущение безнаказанности дало волю обычным низким человеческим чувствам – долго копившейся зависти к успешным и уважаемым односельчанам, злобе на них, мстительности...

Уже в наши дни местный житель и поэт Михаил Кралин, вспоминая об этом давнем преступлении своих земляков, написал:

«Мы расстреляли наших Корнышевых,
Хозяев и радетелей земли.
Беднейшие из бедных, мы пришли.
К кормилу власти на кровинах новых...»

В этой стихотворной строфе обращает на себя внимание слово «мы». Говоря так, поэт не разделяет поколения, и не снимает с себя и своих современников необходимости личного покаяния в содеянном предками...

Жизнь «на новых кровинах» стала называться советским периодом. В это время образовались колхозы, произошло раскулачивание работоспособного населения, обнищание и развал сельского хозяйства.

Правда, справедливости ради, заметим, что советская власть на первых порах очень активно занялась культурным развитием вепсского народа.

24 деревни получили статус национальных вепсских, были созданы два национальных округа.

Создать вепсский литературный язык и письменность на основе латинского алфавита было поручено Отделу малых народностей при исполкоме Ленинградской области. Первая азбука появилась в 1932 году. Между 1932-1937 гг. увидело свет порядка 20-30 книг на вепсском языке, в большинстве своём это были учебники.

Открылись так называемые национальные вепсские школы. Так называемые, потому что обучение на вепсском языке в них велось только в первом классе. Собственно говоря, это было сделано вовсе не с целью сохранить вепсский язык, а для того, чтобы легче адаптировать вепсских детей к дальнейшему обучению исключительно на русском. Но даже этого осуществить на практике не удалось: не имелось достаточного количества грамотных людей, чтобы быть

вепскими учителями. Таким образом, в Винницком национальном районе только 174 ребенка могли в первом классе учиться по вепски...

Впрочем, все это не имело никакого значения и продлилось недолго. К 1937 году советская власть окончательно сбросила маску, и в национальном вопросе также показала свое настоящее лицо. Была запрещена любая связанная с вепской культурой деятельность, языком образования и культуры стал русский. Вепские школы были закрыты, издание книг прекращено, учебники сожжены. Национальные округа и деревни были ликвидированы, началась принудительная ассимиляция вепсов.

Хозяйственное разорение края началось вскоре после установления советской власти - в середине 1920-х годов, когда неподалеку был закрыт Паданский женский монастырь, и на его базе создан первый советский колхоз — земледельческая коммуна «Маяк». Крестьян загоняли туда насильно, отбирая скот и личные земельные наделы. В коммуне «Маяк» вскоре сгорели склады продукции и колхоз разорился, но процесс уже было не остановить: деревня за деревней обращались в колхозное состояние...

Сарозеро, Нестерова Гора и прилегающие деревни сопротивлялись дольше других: колхоз здесь был создан только в 1934 году. Он получил гордое название «Догнать и перегнать».

Те крестьяне, которые активно противились разорению хозяйств и упорствовали при вступлении в колхоз, брались властями «на заметку» и последовательно уничтожались: отправлялись в концлагеря, ссылку, расстреливались.

Последняя церковь в крае – в поселке Винницы, была закрыта в 1935 году. Протоиерей о.Павел Стручков все же продолжал служить по домам до 1937 года, когда был арестован. Христианская жизнь не возобновлялась в Оятском крае до самого падения советской власти.

Во время Второй мировой войны (1939- 1945 гг.) на Оятской земле велись боевые действия.

В октябре 1941 года войска VI корпуса (5-я и 11-я дивизии, 1-я егерская бригада) Карельской армии под командованием генерала Пааво Талвела, развивая наступление после взятия Олонца, вышли на боевой рубеж Сяргозеро-Онего, где закрепились. Таким образом, половина Подпорожского района оказалась занята войсками Финляндии.

На оккупированной территории было введено финское административное управление и система школьного обучения на финском языке. Школьных учителей направляли на учебу в Финляндию, активно велась миссионерская работа и проповедь Евангелия. Вепсы, желавшие сражаться с оружием в руках против советской власти, вступили добровольцами в специально созданный, так называемый батальон родственных народов «Аунуксен». Таких было 314 человек.

Линия фронта прошла в 25 километрах от села Винницы. Финские войска заняли Гоморовичи, где расположился штаб 1-й егерской бригады, а также Юковичи, Шокшозеро, Сяргозеро, Оренджа. В конце октября 1941 года районный центр - село Винницы было эвакуировано из прифронтовой полосы...

Эвакуация производилась на основании постановления Леноблисполкома и Бюро обкома ВКП (б) от 25 октября 1942 года, согласно которому переселению подлежало всё население, проживающее к северу от деревни Тимофеевская (располагалась на южном берегу Ояи напротив устья Шокши). Предприятия и организации Винницкого района были переведены в село Озера которое стало временным центром района, а восемь колхозов Винницкого сельсовета разместились в Пёлдушском и Сарозерском сельсоветах. После освобождения летом 1944 года северной части района от финских войск эвакуированные жители вернулись на прежнее место жительства.

Жизнь вернулась в свое довоенное русло.

В 1964 году было разрушено старинное кладбище в Винницах, где захоронения производились в течение 500 лет. В 1960-64 годах на территории погоста установили здание складского помещения райпотребсоюза, частично занимая места старых захоронений. Здесь уместно привести строки из стихотворения винничанина Михаила Кралина, написанного в 2014 году, в которых отразились чувства многих его односельчан :

«А надгробья окрест скрылись в землю, а иные заброшены в реку

И десятками лет ядовитым бензином томили тебя злые склады,

И не совестно было плясать на костях человеку,

Прах отцов попирая и гробя духовные клады.

Трёхсотлетняя ель, ты прости их, Иванов безродных,

Хоть и знали прекрасно молодчики, что они здесь творили,

Ты лети, моя ель, к поднебесному вечному своду,

Отмоли тех злодеев, чтоб грехи небеса им простили».

В творчестве Михаила Кралина вообще силен мотив личной ответственности человека за дела отцов, дедов, и за свои собственные. В приведенном стихотворении поэт специально подчеркивает, что «молодчики» прекрасно знали, что они творят. Эти люди не упали с неба и не приехали из другой страны. Над кладбищем собственных предков надругались реальные жители Винниц и окрестных деревень...

Процесс разорения и хозяйственного распада Оятского края продолжался в течение пятидесяти лет. Вепские деревни с их традиционным укладом жизни и представлениями о ценностях, долго сопротивлялись, не хотели исчезать с лица земли. Но слишком уж силен был разрушительный напор, слишком жестоки репрессии, и в результате безнадежная борьба деревень за выживание закончилась...

Простояв более 500 лет, деревни стали приходить в упадок. У кого была возможность, перевозили и свои дома. Кто-то уезжал на строительство ГЭС и других объектов, и больше не возвращался. В 1958 году этот процесс ускорился. По деревенской жизни был целенаправленно

нанесен последний удар, оказавшийся роковым. Это была политика укрупнения колхозов, ликвидация хуторов и маленьких деревень. Закрывались магазины, школы, прекратился ремонт дорог к населенным пунктам. Жители Сарозера и соседних деревень переселялись в Винницы, Озера, Пелдуши, Ярославичи, Курбу.

В 60-е годы окончательно опустела Нестерова Гора. Похожий процесс проходил и в Сарозере, только там он затянулся до 90-х годов, так как жителей там было больше: еще в 1959 году там имелось 30 дворов...

Последним из Сарозера переехал Василий Матвеевич Максимов. Не хотелось покидать родную землю, но делать нечего, пришлось: сами с хозяйкой состарились, до магазина ходить далеко, что в Озера, что в Пелдуши 8 километров, да и дороги были совсем плохие.

Казалось бы, это место ждет полное забвение, как это произошло со многими другими деревнями: Азмозеро, Мутнозеро, Долгозеро, Барское Сарозеро, Кривозеро просто исчезли с лица земли.

Но судьба оказалась более благосклонна к этим местам. Деревня Сарозеро возродилась.

В 1990 году в этих местах оказался молодой житель Санкт Петербурга Владимир Шведов со своей женой Аленой. Владимир был тогда курсантом Морского училища и отнюдь не обладал возможностями, которые применил позднее. Но тогда молодая семья была поражена красотой места, красотой окрестных озер, безлюдностью и нетронутостью природы. Глухомань - магическое слово! Тихий вечер над озером, запах свежескошенного сена, ржанье лошади вдалеке, всплеск весла, неспешный разговор на террасе, чай с дымком из настоящего самовара, крик журавлей за озером, плывущий вдоль берега бобер. И тишина! Другой мир. Возможность остановиться, отдышаться, оглядеться, подумать.

Дело оставалось за малым - построить дом. Курсанты - люди не самые обеспеченные, поэтому было решено построить обычный небольшой дом для приездов на охоту, рыбалку и для семейного отдыха. К этому времени в деревне оставался лишь один дом, пригодный для жилья. Постоянных жителей уже не было, и электроэнергия – тоже.

Параллельно еще несколько новых поселенцев - дачников решили обосноваться здесь. Совместно организовали прокладку линии электропередач, выполнили другие необходимые работы. Деревня стала вновь возрождаться.

Сейчас построено несколько красивых домов, включая гостевой. Руководил строительством местный талантливый мастер Владимир Радаев. Он же украсил дома деревянной резьбой. Из домов открывается прекрасный вид на Сарозеро с его островами. Аккуратно подстриженный газон, раньше это называлось бы скошенная пожня, еще больше подчеркивает и раскрывает красоту этого места. Острова очень живописны, на центральном Святом острове Владимир Шведов, когда появилась возможность, поставил замечательную часовню Ильи Пророка с куполами, покрытыми осиновым лемехом так же, как в Кижях. Строил часовню все тот же лучший на всю округу мастер Владимир Радаев на месте прежней часовни Ильи Пророка, давно утраченной.

Тут есть смысл упомянуть о некоем удивительном совпадении. По сути часовня является «обетной» для Владимира. Когда в первый день приезда в Сарозеро в сентябре 1990 года на утлой лодочке Владимир добрался до необитаемого острова, то увидел там маленький сарайчик наподобие скита, в котором были иконы и рушники (вышитые вручную полотенца). Сарайчик этот стоял на месте прежней островной часовни. Поглядев на это ветхое строение Владимир решил:

если получится честно заработать, и повезет здесь жить - построю здесь новую часовню. На «заработать» ушло больше 10 лет, но примечательно, что когда в 2006 году священник при большом стечении прихожан освящал новую часовню со старым именем Ильи Пророка, то в проповеди упомянул, что Святой Илья является не только покровителем грома и урожая, но признан также покровителем «воздушных» солдат, поскольку вознесся на небо в огненной колеснице. Тем временем сам Владимир служил в ВДВ, то есть был как раз «воздушным солдатом» и проходил срочную службу в Афганистане. Бог судил ему вернуться без ранений, хотя он активно участвовал в боевых операциях. А ведь старая часовня на Сарозере могла называться именем совсем другого святого. Совпадение или Провидение?

«Изюминкой» места является музейный комплекс вепсского быта.

История его появления в Сарозере такова. Другой петербургский предприниматель, также неравнодушный человек Вадим Альбертович Кипрушкин, много лет имевший дом в деревне Ладва, несколько лет назад стал подыскивать место для своего музея Вепсской культуры и быта, потому что Ладва становилась все более безлюдной и охрана, уход и поддержание музея становились все более сложными. Предложенное Владимиром место понравилось Вадиму, и после обстоятельных переговоров музей был перевезен в Сарозере, ближе к посетителям. Музей получил новую жизнь и дополнительную поддержку в лице Владимира, как нового партнёра, а Вадим Альбертович стал жителем Сарозера.

Для экспонатов музея из деревни Озера специально был перевезен и заново собран старинный вепсский дом.

Подробно о музее будет рассказано в отдельной главе, а сейчас остается только добавить, что ныне здесь идет настоящая деревенская жизнь: кричат петухи, в озере плавают гуси, на выпасе коровы, овцы, козы и даже кони радуют глаз идиллической, ставшей уже непривычной

для большинства, картиной. Признаком очевидно новых времен стала посадочная полоса для небольших самолетов, которая периодически используется по назначению. Но и она не режет глаз, потому что бережливыми и вдумчивыми хозяевами специально сделана травяной, а не бетонной, и потому не нарушает деревенской гармонии.

История Оятского края повторяется буквально на наших глазах. И вновь она прямо связана с меценатством, с заинтересованным благотворным отношением тех предпринимателей, которые неравнодушны к процветанию этой земли.

В начале прошлого века оятские предприниматели Корнышевы, Афонькины, Калкасовы много сил и труда вложили в благоустройство родного края — создавали музеи, вкладывали средства в просвещение и развитие культуры. Сегодняшние Кипрушкины и Шведовы стараются делать то же самое.

Сто лет назад Иван Корнышев приехал сюда на первом автомобиле, знаменуя силу технического прогресса. А сегодня меценаты этих мест прилетают в возрожденное ими Сарозере на первом для этих мест самолете...История имеет особенность повторяться, но все же остается надежда, что нынешняя Россия сделает выводы из трагических событий своего прошлого, и меценаты сегодняшние не повторят судьбу меценатов дореволюционных...

Глава четвертая

О людях — политиках, святых, коммерсантах...

Без сомнения, самым известным вепсом в истории является святой Александр Свирский: о нем хоть когда-то слышал каждый православный человек.

Александр Свирский родился он в селе Мандеры (Сермакса), на правом берегу реки Оять, недалеко от Введено-Оятского монастыря, в семье крестьян Стефана и Вассы, которые впоследствии также приняли монашеский постриг. Согласно житию, мать долго молила Бога о рождении ребёнка и родила сына после многих лет бесплодия. При рождении он был назван в честь пророка Амоса. Когда Амос подрос, он был отдан для обучения грамоте, но житие сообщает, что учился он «косно и не скоро».

Иное влекло отрока, к горнему возносилось его сердце...

В 19 лет Амос тайно ушёл на Валаам, где 7 лет жил в качестве послушника, а в 1474 году принял монашеский постриг с именем *Александр*. Удалившись на уединённый остров, впоследствии названный *Святым*, Александр подвизался около семи лет в пещере. На Святом острове теперь находится Александро-Свирский скит Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, где показывают пещеру и вырытую руками святого собственную могилу.

В 1485 году по благословению игумена монастыря Александр ушёл на Святое озеро, расположенное неподалеку от Олонца и реки Свирь. Со временем здесь образовалась обитель, ныне известная как Александро-Свирский монастырь.

Согласно агиографической литературе, прославился многими чудесами и праведным образом жизни. Он воспитал много учеников в монастыре и привёл к вере многих мирян. Какое-то время святой жил в полном уединении и вёл суровую жизнь. После 25 лет затворничества, согласно житию, Александр единственным из русских святых был удостоен явления Святой Троицы.

Как писал составитель православных житий митрополит Дмитрий Ростовский: «Однажды он удостоился видеть Самого Бога, явившегося ему в трёх Лицах, и беседовать с Ним о том, как создать церковь, построить монастырь и собрать братию. Когда затем он молился о том, где поставить церковь, то ангел Господень указал ему место для неё».

По описанию исследователя, в домах приоятских вепсов под «красном углом» со старинными иконами висело «всеисполненно литографическое изображение раки Св. Александра Свирского, туземного покровителя».

К слову сказать, Александр Свирский воспитал еще одного святого вепса — Иону Яшезерского. Правда, святой Иона не так знаменит, как его старший товарищ, но все же два канонизированных святых для одного немногочисленного народа — это внушительно.

Иона Яшеозерский родился в селении Шокша в 16 верстах от основанного им позже монастыря[1]. Достигнув совершеннолетия, он отправился на реку Свирь к преподобному Александру Свирскому, который основал там Свято-Троицкую обитель.

В 1533 году незадолго до кончины преподобного Александра Свирского Иона принял от него благословение на подвиг пустынночества, и поселился в лесах между озёрами Яшезеро и Сенное. По преданию, здесь находилось языческое капище. Установив Крест, преподобный стал обживать дикие места. Несколько лет он провёл один в суровых аскетических условиях.

Постепенно к Ионе присоединилось несколько иноков, была построена деревянная церковь Благовещения Пресвятой Богородицы и другие постройки. В 1562 году была открыта вкладная книга для сбора средств на монашескую обитель. Этот год принято считать датой основания Благовещенского Ионо-Яшезерского монастыря.

Преподобный Иона умер в конце XVI века. По преданию, он знал о времени своей кончины, поэтому принял великую схиму и удалился в пещеру, находящуюся в полутора верстах от монастыря. Там Иона провёл последние дни своей жизни. Братия навещала пещеру своего наставника, испрашивая совета, пока тот не отошёл ко Господу.

Мощи преподобного были перенесены из пещеры в основанную им обитель, где они и были погребены под спудом в притворе храма Преображения Господня. Постепенно, в поисках исцеления, к месту захоронения стали приходить люди, многие из которых чудесным образом выздоравливали. По многочисленным чудесам и исцелениям, происходившим в монастыре, Иона был причислен к лику святых.

Андрей Фёдорович Матвеев родился 25 августа 1892 года в селе Озера Винницкой волости Лодейнопольского уезда в крестьянской семье. Отец его работал на лесных промыслах. Закончил двухклассное училище в селе Винницы, в 1911 году —Петрозаводскую мужскую учительскую семинарию, получив звание учителя народных училищ. Работал учителем в селе Угмойла Сямозерской волости Петрозаводского уезда.

В 1915 году Матвеев как ратник 2 разряда был мобилизован в армию, став солдатом гвардейского Измайловского полка. Из-за своей близорукости служил санитаром (окончил фельдшерскую школу при полковом лазарете). Весной 1917 года демобилизовался. Задержавшись, по пути домой, в Петрограде, вступил в Партию социалистов-революционеров (ПСР), что отвечало тогдашним устремлениям крестьянской среды, с которой Матвеев был кровно связан. Участвовал в кооператорском движении. Был избран представителем на Лодейнопольский съезд крестьянских депутатов.

•

Андрей Фёдорович Матвеев

В августе 1917 года Матвеев был избран в Учредительное собрание от эсеров Олонецкой губернии, за него было отдано 127120 голосов.

После Октябрьского переворота и разгона большевиками Учредительного собрания Андрей Федорович Матвеев полностью отошел от политической деятельности. Он покинул родные места и умер в Днепропетровске в 1985 году.

Корнышевы

Самые большие изменения в жизнь Оятского края принесли знаменитые, так называемые «александровские» реформы 1861 года. До этого жизнь местного населения в течение столетий практически не менялась. Редкие хутора, разбросанные по берегам рек, среди глухих лесов. До уездного города Лодейное Поле отсюда было четыре дня пути зимой и летом, и пять дней — по осенней и весенней распутице. Население по большей части жило натуральным хозяйством. Транспортного сообщения не было даже с Олонцом...

Реформы 1861 года разительно переменили Россию, и Оятский край не стал исключением. Говоря о реформах Александра Второго чаще всего вспоминают об освобождении крестьян от крепостной зависимости. Однако, крестьянская реформа была далеко не единственной среди александровских реформ, и вообще едва ли главной. Была еще судебная, земская реформа, и только все вместе они решительно подтолкнули Россию далеко вперед. После 1861 года страна из феодального прошлого шагнула в буржуазное будущее. Вместе с демократическими институтами самоуправления стали бурно развиваться промышленность, торговля, транспорт. Огромные внутренние силы народа были высвобождены из-под многовекового спуда.

И произошло чудо! Из забитого и темного прежде оятского крестьянства вдруг, как грибы после дождя, стали появляться новые промышленники, предприниматели и купцы. Их деятельность буквально за несколько десятилетий преобразила лицо древнего вепсского края.

Иван Иванович Корнышев (старший)

Корнышев Иван Иванович - родился в 1841г. р. в крестьянской семье, в деревне Кузьминская (Васюкова), Тукшинского общества, Винницкой волости, Лодейнопольского уезда, Олонецкой губернии. Теперь это поселение вместе с деревнями Давыдовская (Пантелеева) и Яковлевская (Бородачева пустошь), вошли в состав села Винницы и расположены по ул. Заречной от моста через реку Оять.

Семья была крепкая, работающая и, соответственно, имела материальный достаток. У Ивана была, возможность выучиться и получить определенное образование. Вероятно, у его семьи уже был опыт предпринимательской работы, и у них были отношения с купцами и торгующими крестьянами. Это позволило Ивану устроиться на работу приказчиком. С этого времени, а было ему тогда лет 20, начинается его карьера.

После принятия в 1861 году закона о крестьянской реформе у крестьян появилась возможность проявить свои предпринимательские способности. Корнышев И.И. был не единственным, кто использовал эту возможность. Можно привести в пример не одну фамилию винницких крестьян, которые успешно использовали предоставленную им возможность и достигли хороших результатов. Это Афонькины, Красильниковы, Шлыковы, а из деревни Гонгиничи Ефимовы, из Чикозеро Колляковы. Эти люди в свое время играли немалую роль в жизни всего Оятского края. В возрасте 27 лет Иван Корнышев мог позволить себе сделать крупное по тем временам, пожертвование в 1000 рублей на строительство церкви святого Василия Великого в Винницах в 1868 году. В этом же году, 14 августа, у него родился первый сын и ему при крещении не случайно дали имя Василий. В дальнейшем Василий будет сначала помогать, а затем продолжать и расширять начатое отцом. В 1869 году родился сын Иван, в 1870 году сын Михаил, в 1876 году дочь Мария, а в 1878 году – Агриппина.

Марфа Ивановна Корнышева.

Его жена – Корнышева Марфа Ивановна, 1844 года рождения, была дочерью лодейнопольского купца Рябова. Надпись на сохранившемся на Винницком кладбище памятнике гласит: «Корнышева Марфа Ивановна скончалась 6 октября 1904 года на 60-м году от роду». На обратной стороне памятника надпись – «Дорогой жене и матери от мужа и детей».

С 1868 года начинается становление Ивана Ивановича, как известного щедрого благотворителя церквей и школ края. Человека, который при значительном росте своего материального благополучия, до конца своих дней сохранил высокие моральные и духовные ценности. Хорошие воспоминания о Корнышеве И.И. находим в книге Лидии Федоровой «Село на трех холмах» написанной на основании записей, сделанных ее отцом, который жил в то время. В книге прямо сказано: «Многое сделал для развития села Пидьмы купец Корнышев». Мы знаем, что и для Винниц, где он жил постоянно, он сделал не меньше.

11 января 1869 года Архиепископ Олонецкий и Петрозаводский Аркадий обращается в письме к Корнышеву: «Усердный сын Святой Православной церкви и благотворитель Винницкого храма Иван Иванович Корнышев. Винницкий прихожанин и лодейнопольский купец».

За благотворительность Корнышев Иван Иванович и Шлыков Федор Алексеевич были награждены в 1868 году на Храмовый праздник 8 сентября, грамотой Священного Синода. Церковь Василия Великого.

В 1901г Иван Иванович награжден орденом Анны 3 степени за построение церкви в Чикозерском приходе.

11 октября 1901 года указом Правительствующего Сената купец 2 гильдии И.И. Корнышев возведен в звание потомственного Почетного гражданина.

С 1903 года избирался гласным заседателем уездного земства, был попечителем Винницкого училища и Тукшинской церковно – приходской школы

В 1905 году построил церковь в деревне Сермакса.

О благотворительной и общественной деятельности И.И.Корнышева можно рассказывать долго, но ограничимся цитатой из №21 за 1906 год газеты «Олонецкие епархиальные ведомости», где сказано о винницком приходе:

« Местный священник и благочинный Стручков П.С. ревностный, предприимчивый, деятельный и благонадежный, а староста церкви Иван Иванович Корнышев, по милости Божьей, состоятельный добрый монастырям и церквям многие милости творящий, распорядительный и набожный старец. При совместном их старании и заботливости теперь Винницкий приход сравнительно с другими приходами, отличается благотворительностью и благоустройством духовной жизни прихожан...»

В смысле бизнеса И.И.Корнышев был «владельцем заводов, газет, пароходов» почти что в буквальном смысле. Разве что только газеты не входили в сферу его деловых интересов. Заводов, по преимуществу лесопильных, у него имелось несколько. Он занимался рубкой леса, сплавом его, и вообще всем, что было связано с древесиной – основным сырьем этих мест.

Впрочем, только на лесе Иван Иванович не останавливался, а скупал, строил и заставлял работать, как говорится, «все, что шевелится». Мукомольный завод и пекарня в деревне Пидьма его тоже очень интересовали...

Оятским краем Иван Иванович не ограничивался: он владел заводами и в других уездах Северо-Запада, а также скупал недвижимость в самом Санкт-Петербурге и Лодейнопольском уезде.

В его руках также находился водный транспорт. Товарищество, организованное им и его сыновьями, имело около 10 пароходов, которые работали на реках Оять, Свирь, Паша, Ладожском и Онежских озерах.

Такие буксирные пароходы были в собственности у «Т.Д. Корнышев И.И.» в начале XX века и ходили по рекам Свирь и Оять, Онежскому и Ладожскому озерам.

Умер И.И.Корнышев 27июня 1914 года в возрасте 73 лет от паралича. Похоронили его 1 июля на Винницком погосте, рядом с женой при церкви, на их фамильном захоронении. Его памятник не сохранился, по словам старожилов он был из черного камня. Отпевали священники Стручков П.С., Воскресенский И.А. при дьяконе Преображенском М.А.и пономаре Лаврове А. Место семейного захоронения Корнышевых на кладбище у церкви. Фото 1914г.

Корнышев Иван Иванович (младший)

Фото из фондов ЦГИА СПб. 1891г.

В книге Федотовой Лидии «Село на трех холмах», есть информация о Корнышеве И.И.написанная на основании дневниковых записей ее отца Пименова Александра Васильевича, который был очевидцем тех событий. По завещанию Корнышеву И.И. доставалось имение в Пидьме Олонецкого уезда Мятусовской волости, где он любил

проводить свободное время, был меценатом. « Наследник с помощью отца-миллионера создал в деревне картинную галерею».

Афонькины.

На фото дом, по ул. Смирнова, в Винницах. Раньше принадлежал роду Афонькиных. В этом здании долгое время располагалась милиция. В настоящее время в нем многоквартирный жилой дом.

Афонькин Егор Осипович (1830 ?? - 1883гг.). Его жена Акулина Кузьминична.

Николай Николаевич Афонькин (1879-1929г)

Фото Афонькина Н.Н разных лет.

В газете «Олонецкие Губернские Ведомости» за 1902г №5 от 26 декабря помещена статья, которую мы прицитируем: « Виница, Лодейнопольский уезд. В глухой деревушке Винницкой волости, Кузре- Початовской 26 декабря минувшего года попечителем имеющейся в Кузре школы Н.Н. Афонькиным была устроена для крестьянских детей елка. Каждый ученик и ученица получили подарки с елки, по книжке или по рубашке, или платку, а затем детям были розданы пряники или конфеты. Дети очень выразительно читали басни Крылова и некоторые мелкие рассказы. Довольно стройно пели- «Боже царя храни» и «Славься, славься наш русский царь». Радости детей не было конца. Как дети ,так и родители детей просто, но сердечно благодарили попечителя Н .Н. Афонькина, весьма заботливо относящегося к нуждам, этой заброшенной в глуши, но весьма полезной школы. По окончании елки детям были показаны картинки при помощи детского кинематографа. Побольше такого сердечного отношения.! Таким путем лучше всего детям прививается любовь! Побольше бы таких попечителей».

Это статья о Николае Николаевиче Афонькине (1880-1929) – одном из главных предпринимателей Оятского края, из известного в Винницах рода лесопромышленников и купцов. Родоначальником их рода в Винницах был Осип Роднов – крестьянин, позже взявший фамилию Афонькин, выкупивший землю у прежнего владельца. Егор Осипович Афонькин сын, Осипа Афонькина , упоминается 1881г № 11 в газете Олонецкие Губернские Ведомости, как лодейнопольский купец второй гильдии. У Егора Осиповича было три сына- Иван Егорович, Николай Егорович, Михаил Егорович. Упоминание обо всех этих людях мы так же нашли в следующем номере Ведомостей за №12 там указаны фамилии тех, кто делал пожертвовал в пользу Николаевского детского приюта г.Петрозаводска И.Е. Афонькин-1р., Н.Е.Афонькин -1р, М.Е. Афонькин -1р., А.К. Афонькина -1р.В связи с пожертвованиями фамилия Афонькиных будет еще несколько раз появляться в Ведомостях. Николай Егорович Афонькин-, отец Николая Николаевича Афонькина и его мать Наталья Иовлевна умерли от туберкулеза в 1897году. Похоронены были на Винницком погосте у церкви (Надгробный памятник им, уцелел: был найден вытолкнутым на обочину кладбища. Н.Н. Афонькину было 16 лет, когда он принял на себя продолжение семейного бизнеса.

С 1902года по 1914год Н.Н. Афонькин был попечителем Кузринской школы.

Афонькин Иван Иванович (1880-1941гг)

В 1904г обвенчался с Надеждой Капитоновной Якимовской - одной из дочерей известного лесопромышленника Якимовского из Доможирова. Второй брак после смерти Надежды Капитоновны был заключен с с Натальей Михайловной Калкасовой. 9 апреля 1930 года Афонькин

И.И. был осужден по ст.58-8. Отбыл свой срок, а в 1941 году семья получила от него последнее письмо из Вологды: он ехал, к детям и пропал.

На фото 1904года. Иван Иванович

Афонькин с Надеждой Капитоновной Якимовской.

Фото Афонькина И.И. во дворе своего дома.

ссылки.

Н.М.

Афонькина И.И. Во время

Фото Афонькин И.И. с Калкасовой

Михаил Егорович Афонькин

На фото Афонькин М.Е.

Михаил Егорович Афонькин (1857-1925гг). Купец 2- гильдии, лесопромышленник. 20декабря 1900 года награжден золотой медалью с надписью «За усердие» для ношения на груди на Станиславской ленте за работу в должности старосты Гагручейской Ильинской церкви. С 1902г Почетный старшина Николаевского детского приюта в городе Петрозаводске. С 1904 года - Почетный член Александро - Свирского братства. Попечитель Гагручейской школы Петрозаводского уезда. С 1906 года член Палестинского общества . С 1913года - Потомственный почетный гражданин. В газете О.Г.В. за 1894г. №20 и за 1895г.№2 есть упоминание о том что ему и крестьянину Потапову принадлежит 45-сильный буксирный пароход «Николай», ходивший по р.Свирь.

Калкасовы

Проживали в д. Климовская (Левина или Калкасова) Винницкого общества.

Крестьянин по фамилии Августов - предок Калкасовых, занимался земледелием.

Вот на таком его поле, во ржи после пожаров в 1785г, когда сгорели Винницкие церкви, была найдена икона Смоленской Божьей Матери, которая долгое время хранилась в их семье.

Дмитрий Петрович Калкасов (1855-1919гг.) - потомок Августова. В 1883 году он построил в своей деревне церковь ,названную в честь найденной на поле Иконы Смоленской Божьей Матери.

По воспоминаниям старожилов села, их семье удавалось выращивать арбузы в Винницах. Их род жил в деревне Климовской (Калкасовой).

Калкасовым принадлежало несколько добротных двухэтажных домов, которые были у них национализированы, а хозяева подвергнуты репрессиям. Дмитрий Петрович Калкасов в январе-феврале 1919 года, вместе с несколькими другими жителями, был расстрелян.

Фото 2014г. Дом, который принадлежал Калкасовым, сохранил свой первоначальный вид. ул. Кооперативная д.7.

Численность вепсского народа с 1897 по 1989 гг. изменялась следующим образом:

1897 - 25 284 чел.

1926 - 32 773 чел.

1939 - 32 000 чел.

1959 - 18 400 чел. (владение родным языком - 46,1%)

1970 - 8281 чел.

1979 - 8 094 чел. (владение родным языком - 38,4%)

1989 - 12 501 чел.

После падения советской власти в 1991 году Российской Федерацией были предприняты энергичные усилия по сохранению языка и культуры вепсского народа. Национальную автономию населенным вепсами районам не вернули, однако в начальных классах некоторых школ ввели изучение вепсского языка.

На вепсском языке издается газета «Kodima», а литературный журнал «Caretia» периодически помещает на своих страницах материалы на вепсском языке. Ежегодно в Винницах проводится вепсский праздник «Древо жизни». В Петрозаводске и Санкт-Петербурге созданы общества вепсской культуры. Список мероприятий, посвященных сохранению языка и культуры вепсского народа можно легко продолжить, но это — не задача нашей книги.

Глава пятая. О музее.

Любой музей-это концентрация памяти, а музеи этнографические, краеведческие - особенно.

Память — это то, чего так не хватает людям вообще, а в России особенно. Из памяти семейной складывается история семьи, из множества семейных историй складывается история рода, нации, этноса. Обдумывание и осмысление этой памяти-истории, делает людей умнее и сильнее. Должно делать, нам бы этого хотелось. Говоря «нам», говорю о двух семьях - Кипрушкиных и Шведовых. Отнюдь не вепсах по национальности, но «обитающих» в этих местах давно, и обосновавшихся в Сарозеро, сроднившихся с этими местами. Для нас это не коммерческий проект: это наш вклад в историю и культуру этих мест. Наша «плата» за счастье жить иногда подолгу в этой глуши, и слышать настоящую тишину на закате, когда только всплеск плывущего бобра может ее нарушить. Изначальным автором идеи явился Александр Финченко, к.и.н., старший научный сотрудник отдела этнографии восточных славян и народов европейской России Музея антропологии и этнографии им.Петра Великого, живший в ту пору в Ладве. Первый музей был открыт для посетителей в 2003 году в деревне Кузнецы, затем музей перебрался ближе к людям в Ладву, а теперь обрел третье и, возможно, окончательное место в Сарозеро. Или, как правильно именуется сегодня наша деревня: «урочище бывшая деревня Сарозеро». Никак нельзя объяснить, почему существующая, жилая и самая красивая деревня в округе называется «урочищем» и «бывшей деревней», но таковы реалии топонимики сегодняшних дней. Вепсский музей в Сарозеро (Киприяновская) находится в 33 км от центра волости — села Винницы, и в 330 км от Санкт-Петербурга. Это единственный музей в России, наиболее полно демонстрирующий быт и культуру оятских вепсов в их среде проживания.

Прежний дом музея в Ладве обветшал, и не мог быть перевезен, хотя по возрасту ненамного старше дома, в котором разместился сегодня. Сегодняшний дом, в котором разместилась основная экспозиция, был построен в 1924 году в Озерах. Он куплен нами у наследников Николаева В.Т. в 2013, затем разобран по бревнышку и перевезен в Сарозеро. Имя человека,

который строил дом, увы, осталось для нас загадкой. Официальным хозяином дома Николаев В.Т. стал в 1937 году, и было ему в ту пору 25 лет, то есть в 1924, в год строительства дома по кадастровым записям, ему исполнилось 12, и вряд ли он мог сам построить такой большой дом. Те зловещие годы многих людей лишили домов, здоровья и жизни. Лишили даже памяти о них, потому что нигде мы не смогли найти имя хозяина дома в период с 1924 по 1937 год, а на все расспросы у наследников «кто построил дом» мы не получили никакого ответа. Трудно представить себе членов семьи, с рождения живущих в доме и не представляющих, кто его построил. Ведь были праздники, и гости в доме, и не могли не упомянуть в застольях имя строителя-предка с благодарностью...

Возможно, эта тема была семейным табу. По советским законам репрессированный и его семья ссылались в лагеря, а дом и все что в нем, отбирался и передавался другим людям. Когда после «конфискации имущества» дом передавался другой семье (вновь приехавшим чаще, потому что односельчане не все хотели жить в чужом доме, понимая, кому он на самом деле принадлежит по праву), то приходил учетчик, и описывал в доме все до последней ложки. Затем на это назначалась цена, и вновь въехавшая семья выплачивала потом этот «кредит на крови» из зарплаты долгие годы. То есть для этой семьи дом становился своим, таким образом «купленным», а несчастные хозяева после лагерей не могли на него претендовать, если, конечно вообще выживали на необъятных «стройках социализма». Впрочем, все вышесказанное, увы, только горестные предположения. Настоящая правда нам не известна, по крайней мере пока. Мы же с благодарностью хотим упомянуть строителя этого дома. Дома, в котором мы бережно воссоздали быт жителей этих мест конца 19-го - начала 20-го века, и который, по счастливому для него стечению обстоятельств, обрел теперь другую и, надеемся, долгую жизнь. Может быть, само Провидение желает сберечь творение рук неизвестного нам строителя для того, чтобы мы со временем узнали его имя и его судьбу...

Мы также с благодарностью упоминаем всех наших помощников, которые работали, чтобы музей, из которого не хочется уходить, обрел свой сегодняшний вид. Это Данилин Николай Владимирович, Рапаков Василий Павлович, Туркулец Евгений Иванович, Няков Михаил Михайлович, Ефименков Максим Николаевич, Кодыров Халим Абдурахманович, Шведов Василий Владимирович, Шатковская Марина Леонидовна, Кукоев Анатолий Фролович и другие люди, внесшие свой посильный вклад в обустройство музея.

Сам дом, представляющий из себя классический пятистенник и пристроенный двор для хозяйства, по своему размеру действительно можно назвать домом богатого вепса. В нем более 200 квадратных метров полезной площади. Не за это ли и был репрессирован и сослан хозяин, если наше предположение о его судьбе верно? Комнаты по местным меркам просторные, в середине русская печь-сердце дома, в красном углу православные иконы и портрет Ленина, что было типично для двадцатых-тридцатых годов прошлого века. Как же непросто понять закоулки сознания людей того времени, хотя по большому счету мы с ними практически современники.

Конечно, сегодняшний молодой человек с компьютером и интернетом, с возможностью поговорить в любую минуту по телефону с человеком, живущим на другой стороне планеты, уверен, что знает о мире больше. О мире - да, больше. А о жизни и природе - нет. Возможно, совокупные знания и навыки крестьян, живущих натуральным хозяйством, не меньше, а даже больше суммарных знаний сегодняшнего студента. Он слышал о политических новостях в Бразилии и в целом представляет себе земную географию, но понятия не имеет, как самому прокормить себя в лесу, как сделать жилье и одежду из того, что тебя окружает в природе, как

обращаться с коровой, и как поймать лосося в Ояти. Ведь обычный крестьянин, чтобы выжить, должен был обладать немалыми знаниями сразу из многих областей: агрономия, животноводство, строительство, производство одежды, обуви, посуды, всей абсолютно домашней утвари. Этот список можно продолжать долго, не говоря уже об охоте и рыбалке, потому что они были исконными промыслами вепсов.

Вепсы-люди леса. Леса таинственного и бескрайнего. Из него, из леса-кормильца брали они все что им было необходимо. До сих пор, входя в лес, спрашивают они разрешения у «хозяина и хозяйшки», а уходя, что-нибудь оставляют в благодарность. Кусок ли хлеба не сучке, пойманного окушка отпустят обратно в воду, или еще что-то, но лес здесь не картинка из детской памяти, а среда обитания.

Как построить дом в лесу из этого самого леса? Как сделать лапти и из чего? Когда драть лыко (кору), как спрясть нитку из шерсти, чтобы потом связать теплые вещи на зиму? Как ткать ковер на пол, чтобы зимой дети могли играть на полу? Как и из чего сделать деревянную посуду? Как из крапивы(!) сделать ткань, из которой потом сшить рубаху (у нас в коллекции есть одна такая уникальная). Как выделать медвежью шкуру, а для начала как выследить и добыть медведя? Как сохранить мясо лося, когда нет электричества и нет холодильника? Даже на элементарный вопрос, когда и какие следует заготовить дрова, современный человек навряд ли ответит правильно. Вот и об этом тоже наш музей: об человеческом опыте, о навыках хозяйствования в условиях суровых зим, когда снега по окошко и мороз 40 градусов, а у тебя детишек мал мала и надо всех накормить и согреть. Трудом, колоссальным постоянным трудом, опытом, силой духовной и физической жили здесь люди. Наш музей – это попытка сохранить их опыт, сохранить частички их труда.

У посетителей складывается впечатление, что они пришли в гости в живой дом, а хозяева вышли ненадолго на рыбалку или за ягодами и скоро вернуться. Вещи лежат на своих местах, их много, их можно потрогать и взять в руки. Потрогать косой топор, которым тесали стены изб, делая их ровными. Сколько комнат было сделано этим топором, сколько судеб прошло через эти комнаты? Можно примерить старый пестерь (заплечный короб) из бересты. Сколько крупных темных озерных окуней было принесено в нем на плечах хозяина-рыбака, потом запечено в печи и подано на деревянном самодельном блюде?

Можно посидеть за праздничным столом, накрытым к свадьбе, примерить костюмы под звуки патефона, поработать на ткацком станке, покачать люльку, поддержать кухонную утварь, деревянные плоские ручной работы или один из самых старых и уникальных предметов коллекции - братину из капа второй половины 17-го века, представить себе как на больших деревенских праздниках наливали в него и подавали на общий стол легкий хмель, который именовали «пиво на хмелю» или олудь. Сколько сотен рук прикасалось к этой вещи за триста с лишним прошедших лет, сколько лиц за праздничным столом пересмотрело это изящное изделие неизвестного мастера?

Как чудесно использовали вепсы основной природный материал дерево, которое в тогдашних умелых руках заменяло современные материалы почти во всем. Какую находчивость можно увидеть, например, в приспособлении, отучающем теленка от вымени коровы или в деревянных «ходунках» для ребенка, которые мы считаем иностранным изобретением. Умение сделать лодку-долбленку – отдельное искусство, кожаные сапоги ручной работы с деревянными гвоздиками, рыболовные сети с берестяными поплавками, рукодельные мердешки для ловли форели в лесных ручьях...перечислять можно очень долго. Лучше приехать и увидеть.

И понять, что прежние поколения не глупее нас сегодняшних. Есть мнение, что внимательное, долгое наблюдение за одним квадратным метром в лесу с его незаметной, но непрерывающейся жизнью, дает человеку понимания о мироздании больше, чем тысячи километров, которые на огромной скорости мы пролетаем на самолете. Часто именно «пролетая» и в плане понимания места, которое посетили, понимания традиций и местной истории, людей, которые там живут. Цель нашего музея остановить быстрый темп нашей жизни хоть на час, предоставить возможность взглянуть в лица на фотографиях, и представить, как жили эти немногословные и трудолюбивые люди.

Основу сегодняшнего собрания музея составляют около 4000 экспонатов, собранных у оятских вепсов на территории Подпорожского района Ленинградской области в основном в деревнях вдоль реки Оять. Сбор коллекции начался в конце 1980-х годов и продолжается до сих пор за счет целенаправленных приобретений владельцев коллекции и за счет подарков местных жителей. Собрание музея представляет полный предметный диапазон традиционной культуры оятских вепсов второй половины 17-го \ середины 20-го века: комплекс обстановки жилого дома и хозяйственных построек, мебель, одежда, обувь, вышивка и ткачество, утварь, бытовые профессиональные инструменты, музыкальные инструменты, предметы религиозной и магической практики, а также вышивной, тканый, обувной, бондарный, плотницкий, столярный, рыболовный, охотничий, банный и другие предметные комплексы. Важной частью собрания является коллекция документов и фотоматериалов по истории района и биографиям её жителей, книги стихов на вепском языке.

Из последних приобретений это предметы археологии времен 9-11 веков и экспозиция строительных, столярных и плотницких инструментов, которая оборудуется в настоящее время.

С 2010 интерьерная экспозиция основного дома была дополнена экспозицией под открытым небом, которая расположилась рядом и представляет из себя два амбара первой трети 20-го века и охотничье-рыболовное зимовье. Все постройки были специально выкуплены у местных жителей для экспозиции музея и теперь все вместе представляют из себя уникальный музейный комплекс под открытым небом. В амбарах полный набор бондарных изделий, бочки, кадки, ушаты, лохани всех размеров, все огородные инструменты от конного плуга до деревянных грабель и сенных вил конца 19-го века, конная упряжь и предметы, связанные с животноводством.

Охотничье зимовье, о котором стоит сказать отдельно - это вообще целый пласт вепской жизни. Ведь по таким зимовьям некоторые охотники проводили очень значимую часть жизни. Наше зимовье - большое, коллективное. Такие строили обычно вскладчину на 3-4 охотника, а использовали либо вблизи озера, как место ночевки в период лова, либо как промежуточное место отдыха на протяженном маршруте (или как называли в старину п'утике) при зимней охоте на пушнину, когда путь от одного зимовья до другого занимал ровно световой день. Горела печь, охотники кипятили чай и варили похлебку из глухаря, кто-то снимал шкурки с пойманных в капкан за день куниц, а собаки отдыхали тут же под нарами, потому что на улице мороз и волки, которые здесь и по сей день не сказочные персонажи, а реальная угроза для жизни любой собаки. Хорошо было тем охотникам в таком зимовье! Горячий чай с травами, вытянуты к печи натруженные лыжами за день ноги, неторопливая беседа, охотничьи истории, а потом глубокий здоровый сон в натопленной избушке под волчьей шкурой. Ни суеты, ни зависти, ни злобы, ни страданий. Только вековые сосны вокруг на многие километры и ни души, а только деревья трещат от ночных морозов да низким басом иногда коротко рявкнет матерый волк... Представьте себе это: наш музей и для этого тоже.

Местные жители и создатели музея гордятся, что в собрании музея имеются предметы уникальные по своей культурно-исторической значимости и не встречающиеся в коллекциях даже крупных этнографических музеев. Среди них уникальный свадебный стул вепсской невесты с символами плодородия, относящийся ко второй половине 18-го века, свадебная нижняя рубашка невесты второй половины 19-го века, свадебные вышитые полотенца с антропоморфными и зооморфными сюжетами, крестьянский зипун (армяк) из крапивы, предметы вепсского колдовства, уникальные фотопортреты оятских вепсов конца 19-го начала 20-го веков, охотничий лузан (некое пончо с внутренними карманами для ходовой охоты), братина из капа конца 17-го века, о которой уже упоминалось, и которая является самым старым предметом экспозиции, не считая, конечно, археологической коллекции.

Нам бы хотелось, чтобы подрастающее поколение начинало изучение истории, как таковой, со своих мест. Поверьте, в каждой деревне есть что-то замечательное, в каждой жили или живут по сей день интересные люди. Надо только взглянуть. Интересна история Древней Греции, важна история Рима, но не менее (а возможно более) важно знать историю своего края, своего поселка, своей улицы. Потому что это СВОЯ история, и она уникальна. Только мы можем с равнодушным сердцем рассказать об этом другим. Отказ от этих знаний в пользу знания, например, истории Древнего Египта («..а что у нас, у нас ничего интересного не было..а вот там-то!»)-первый признак провинциальности. В идеале надо знать то и это, но в первую очередь о своих предках, потому что именно верность месту, в котором родился, делает человека красивым.

«Vepsoiden Pert`» -самый большой и известный музей в Подпорожском районе Ленинградской области, пользующийся уважением и признательностью местных жителей, и известный как самая интересная культурная достопримечательность Подпорожского района.

Гости «Вепсской избы» могут увидеть то, что было утеряно и уходит из нашей жизни безвозвратно, но сохраняется еще в памяти людей и забытых вещах. Нам хочется, чтобы это помогло глубже понять и почувствовать красоту и историю вепсской земли, раскрыть для себя душу её народа. Народа, который никогда не шел ни на кого большой войной, а спокойно веками жил среди озер, лесных холмов и болот с запахами полыни. Умел ладить с соседями, и неторопливо наслаждаться неповторимым очарованием этих таинственных дремучих лесов. Слышал и понимал дыхание природы и умел жить в радость себе и окружающим, а это, возможно, и есть лучшее предназначение человека.

Владимир Владимирович Шведов

Значение слов, используемых в тексте.

Ассимиляция-

слияние одного народа с другим, с утратой одним из них своего языка, культуры, национального самосознания.

Волость - старинная поземельная собственность новгородцев.

Деревня- это одно - или малодворное поселение с окружающими сельскохозяйственными угодьями.

Дань - то, что дается населением правителю и его окружению; всякая повинность, если переводится на деньги, есть дань. Это плата покоренных племен за обещаемый им мир, а иногда и за охрану от нападения соседей.

Соха, обжа— фискальная единица. Г. В. Абрамович в исследовании о русской метрологии XV—XVI вв., приходит к выводу, что «обжа была всегда более или менее определенной мерой земельной площади». В состав, которой входили пашни, сенокос, усадьба и огороды. До XVI в. ее размеры колебались во времени и в разных частях Новгородской земли. В трех полях в обже насчитывалось 5 десятин пашни. Вместе с другими угодьями — с сенокосом, усадьбой и огородами — в обже до московского периода, по мнению Г. В. Абрамовича, могло быть в среднем около 9 десятин, причем в южных пятинах новгородской земли обжа была несколько больших размеров, а в северных - меньших 3 десятины. С сохи взималась определенная сумма, раскладка которой между плательщиками производилась самим посадским или волостным миром в соответствии с экономическим положением каждого плательщика. Важнейшей особенностью вытной системы обложения явилось то, что она не распространялась на бобылей и непашенных крестьян.

Десятиной назывался квадрат площадью 1,09 га, в котором каждая сторона равнялась 1/10 версты, откуда и название. Десятина = 2 четвертям = 4 осьминам = 8 полосьями = 16 четверикам.

Четверть - весит 6 пудов (мера веса, изменявшая своё значение в разные периоды)

Четь, четверть — мера земельной площади, по площади равнялась половине десятины.

1 копна - равнялась 1/10 десятины. (т.е. считали, что с десятины снимали, в среднем, 10 копен сена) Копны могли быть трех размеров: «мерные двухсаженные», «волоковые», «мелкие копны», или «малые волоковые копны», которые сметывались сразу после просушки сена, а затем свозились волоком в одно место для сметывания более крупных «мерных» копен. Г. В. Абрамович считает, что вес «мерной» копны равен 240 кг, или 15 пудов. «Волоковая копна», равнялась 2 /3 «мерной» и весила, следовательно, 10 пудов. «Малая волоковая копна» весила 5 пудов. Эти мелкие копны и служили писцам, для определения сенокосной площади в описываемом ими хозяйстве.

1 кадка (кадь, бочка, оков) = 2 половникам = 4 четвертям = 8 осьминам = 839,69 л (= 14 пудам ржи = 229,32 кг).

1 куль (рожь = 9 пудам + 10 фунтам = 151,52 кг), (овёс = 6 пудам + 5 фунтам = 100,33 кг).

Коробья ржи = 7 пудов, мера емкости, которой должно хватить для засева десятины земли.

Четверткою (четкою, четью) называлась четвертая часть коробки, весит 1.5 пуда.

Четверик — шестнадцатая ее часть коробки весит 0.4 пуда.

1 четверик ("мера") = 2,624 декалитра = 26,24 л.

четверть = 2,099 гектолитра = 209,9

л

Пуд = 40

фунтов = 16,38 кг

ФУНТ (от латинского слова 'pondus' - вес, гиря) равнялся 32 лотам, 96 золотникам, 1/40 пуда.

Зобница – мера емкости, вдвое больше коробки.

Торпа - слово обозначает два вида форели: озерную и речную. На побережье Онежского озера это слово относится к озерной форели, а в р-нах, удаленных от Онежского озера к ручьевой форели.

Подсека - система земледелия в ряде северных районов Новгородских пятин. Наряду с положенной в обожный оклад полевой пашней, крестьянские дворы владели лесной подсекой, укрытой от обложения.

« **Наездом**», иногда владельцы земли пахали их на себя —т.е. не заселяя их, а посылая на эти земли в рабочее время своих людей. Наездом могли пахать на себя и крестьяне.

Перелог - участок земли, бывший прежде под пашней и заросший сорной растительностью и молодым лесом - кратковременная залежь. Его оставляли без обработки на 8—15 лет для восстановления плодородия почвы. Затем перелог снова распахивали под посев зерновых хлебов. У Винницких крестьян основной культурой была озимая рожь. Земледелие в виде трёхполья и лесного перелога.

Празга - аренда, оброк, откуп, наемка, кортом, кортома, мыть, отдача и содержание из найма. Брать, давать землю, озеро в празгу.

Доход - обыкновенный взимался: 1) деньгами, 2) хлебом и 3) разными другими предметами "мелкого дохода" крестьянского хозяйства.

Белка - Мордка – беличья шкурка, как денежная единица, использовалась при оплате оброка.

"**Посопный**" хлеб, а способ его уплаты — "**послом**": "а хлеба послом 5 коробей ржи", т.е. насыпом зерна. Другой способ дохода хлебом состоял в предоставлении землевладельцу известной части урожая. Эта часть определялась различно, самую малую меру составляла пятаина, затем шла: 1/4, 1/3 и, наконец, 1/2, половиё. При этом, надо думать, часть урожая уплачивалась не зерном, а снопами, которые отсчитывались на поле, до своза во двор. «Во всяком хлебе давати пятый сноп, а к выделу и к замолоту мне его, помещика, звать, а до выделу ни какова хлеба не свозить»

1 Рубль = 2 полтинам = 10 гривен = 33 алтына 2 деньгам = 100 копеек=200 деньгам.

Полтина = 100 деньгам = 2 полуполтинам = 5 гривнам.

Полуполтина = 2,5 гривнам = 50 деньгам.

Гривна = 20 деньгам

Алтын = 6 деньгам

копейка - новгородка = 2 деньгам.

Деньга - московка = 2 полушкам.

Полушка - полуденьга =0,5 деньга.

В качестве ориентира ценности денег: В XVI веке пуд ржи стоил 5 копеек, т.е. на 1 копейку можно было купить 3 кг ржи, топор – 7 копеек, замок – 5-10, корова и лошадь шли по рублю, одежда: простая сермяга обходилась крестьянину в 20-40 копеек.

Посадник - руководил деятельностью всех должностных лиц, вместе с князем ведал вопросами управления и суда, командовал войском, руководил вечевым собранием и боярским советом, представлял во внешних сношениях

Тысяцкий - был предводителем новгородского ополчения, а также в его обязанности входило: сбор налогов, торговый суд.

Ключники и тиуны – по общему правилу это несвободные люди. Они назначаются для сбора доходов с крестьян, хранения сельских продуктов и других хозяйственных действий. Живут они в особых дворах, нередко пашенных, и занимаются сельским хозяйством, но на себя, а не на господина. Они не облагались никаким сбором в пользу господина, а за свой труд по управлению получают с крестьянских дворов особый доход. Некоторые владельцы имели только одного управляющего, ключника или посельского, другие и ключника, и посельского. Ключники и посельские, где они были, не непременно назначались в каждую волость, их назначали и одного на несколько волостей. В таких случаях для них устраивались особые дворы для приезда.

Проскурница - по смыслу определяет устаревший аналог слова просвирница или просфорница - женщина при храме ответственная за выпечку просфор - богослужебного, литургического хлеба.

Поземщики, бобыли, захребетники - работали в качестве наемников у крестьян. Они живут в одних дворах с крестьянами, состоят при одном хозяине. Одиноким крестьянин, не имеющий земельного надела (бестягольный, нетяглый, то есть не несущий государственных повинностей). Позже их стали называть батраками, а еще позже, при советской власти они стали председателями колхозов.

Своеземцы - так называли тех землевладельцев, чьи предки и до прихода московской власти владели землей в Новгородской области, а после конфискаций, предпринятых Иваном III, сохранили свои земельные участки

Кормление - было типом и способом государственного управления, при котором кормленщики – наместники и волостели, назначаемые государем или архиепископом, – осуществляли функции управления.

Примечания

Основой для написания данной книги послужили материалы Российского Государственного Исторического Архива, Государственного архива Республики Карелия, Писцовые книги Новгородской пятины 16 и 17 веков, а также личные воспоминания жителей Оятского края.

Кроме архивных материалов и материалов, указанных в сносках к основному тексту, автор и составитель использовали следующие фундаментальные научные труды по истории вепсского народа и его культуры

Рябинин Е.: А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. Спб., 1997.

Строгальщикова З.И.: Вепсы. Очерки истории и культуры. Документирование языка, СПб. 2014 г.

Heikkinen Kaija, Mullonen Irma: *Vepsäläiset tutuiksi: Kirjoituksia vepsäläisten kulttuurista*. Joensuu: Joensuun yliopisto, Karjalan tutkimuslaitos, 1994.

Saressalo Lassi: *Vepsä: Maa, kansa, kulttuuri*. Tampere - Helsinki: Tampereen museot: Suomalaisen kirjallisuuden seura, 2005

Поэтическое приложение.

А в заключение нашей книги, как знак любви к вепсской земле, мы помещаем небольшие подборки стихов двух талантливых поэтов, уроженцев Оятского края: Виктора Трифоева и Михаила Кралина.

Виктор Трифоев — военный моряк в отставке. Простыми и проникновенными словами он говорит о своей Малой Родине, рассказывает о ее бедах и радостях.

Михаил Кралин — известный филолог, профессиональный литератор, автор ряда книг.

Профессионализм и творческая манера у обоих поэтов разная, но оба они говорят об одном — о любви к родному краю, о чувствах человека, выросшего на этой благословенной земле, и бережно хранящего ее в своем сердце.

Виктор Трифоев

Вепс - Нойд

Я к вепским тайнам дверь открою,

Пусть знают веси, города.

Как здесь кукушка, за горою,

Вам прокукует про года...

А Нойд, заманчиво порою,

Наворочит Вам на любовь,

Подарит оберег, не скрою,

Защитой крепкой будет кров.

И на удачную рыбалку,

И на хорошее житье...

А все плохое кинь на свалку,

У нойда, видимо, чутье.

От добрых слов его, без блажи,

На сердце станет горячо.

Когда «аминь» он трижды скажет,

И трижды плюнет за плечо.

Я к вепским тайнам дверь открою,

Прошу быть гостем, или так.

Здесь все покажется игрою,

А вепс - загадочный чудак

* * *

Крест-камень

В глухой тайге, где лес дремучий,
Лежит средь сосен исполин.
Как великан, валун могучий,
И бьет родник живой под ним.
В густом лесу зверье да птицы,
И тишина царит в окрест...
Слагают люди небылицы:
Ну кто на камне высек крест?
Быть может силы неземные,
Или Всевышнего рука.
Но тайна в камне и поныне,
Как символ веры на века.
К нему идут, чтоб поклониться,
Просить пощады у креста...
И как живому, камню снится,
Что он знамение Христа.

О вечном

Я слышу звон колоколов
И мысль витает...
Как будто с множества голов,
Тот звук слетает.
По ком же звон колоколов
И плачут свечи...
Наверно, множество голов
Склонили плечи.
О вечном думалось без слов,
Под звон святых колоколов.

Тервиничи

Терви, терви-Тервиничи,
А по вепски: будь здоров!

На деревьях гнезда птичьи,
Монастырь среди холмов.
Терви, тихо молвит встречный,
В гости мило позовет.
Здесь уклад старинно-вечный,
Весь былинная живет.
Здесь звучат на вепском песни,
С колокольни льется звон.
Тут живется интересней,
У истоков всех времен.
Древо жизни праздник Веси,
Веселись, гуляй народ...
Пусть не смолкнут в Вепском лесе,
Песни, танцы, хоровод.

Утро в деревне, мороз и снежок,
А на душе тепло...
Вырос за годик, почти, на вершок,
Много воды утекло.
Бабушка в печке, печет пироги,
Медный кипит самовар.
А по бокам, медальонов-круги,
Кто и когда их давал.
В окнах студеной, пушистой узор,
Дунешь и тают снега..
Вымети, внук, из избы старый сор,
Дам я тебе пирога.
Утро в деревне, настал Новый год,
Мамочка косы свила...
Чай на столе, под столом милый кот,
И разговор про дела.

Алекса́ндро-Сви́рский монасты́рь

По ком звонят колокола?
Их звук сердца людей тревожит.
Колокола, колокола...,
От них исходит голос Божий.
По тем, кого в душе нам жаль,
По ком в душе у нас смятение.
В их звоне горечь и печаль,
За боль земли и разоренье.
Печаль по срубленным лесам
И разоренным птичьим гнездам.
С мольбой о счастье, к небесам,
Взираем мы и к дальним звездам.
Пока звонят колокола
В монастырях, и плачут свечи.
Какой бы тяжелой жизнь была,
Прошу расправить свои плечи.
Назло беде, назло врагам,
И отравителям природы.
А Александра - Свирский храм,
Поможет нам, превзмочь невзгоды.

Песня о Немже

Лес стеной, озера, реки,
Ручейков хрустальных звон.
В этот край влюблен навеки,
По душе и сердцу он.
Припев: Немжа, немушки, немсари,
Речка быстрая Оять.
Лучше места по Вепсари
Нигде не отыскать
Малой родины истоки,
В сердце солнце, а не тьма.
И любовь ложится в строки,
Так мила нам Кодима.

Припев: Немжа, немушки, нем-сари,
Речка быстрая Оять.
Радость каждому подарит,
Приласкает словно мать.
Горий-мяги, Гриша -агьи,
Говор вепсский на устах.

Вспоминают в Алаж-агьи
Церковь старую в крестах.
Припев: Немжа, немушки, немсари,
Речка быстрая Оять.
Веру мы не потеряли,
И воскреснет все опять.
Домик с окнами на речку,
Где родился и где рос.
Тянет к милому крылечку,
Как корнями здесь прирос.
Припев: Немжа, немушки, немсари,
И родимая Оять.
Даже время не состарит,
Дорогую благодать.

Вепсская кукла

В столичном граде, на витрине,
Заморских кукол полный ряд...
Одни давно уж в паутине,
А у других потухший взгляд.
А мне по нраву кукла наша,
Без позолоты и гроша...
Но все равно, ее нет краше,
У нашей куклы есть душа.
Вот посмотрите куклу «мама»
Пред «мамой», Барби – сирота.
Пусть велика ее реклама,

Но из пластмассы красота.
А наша, в ситцевом наряде,
Без украшений и наград,
Но, величавая, во взгляде,
И повествует наш уклад.
Как символ верности и дружбы,
С рожденья в девичьих умах.
За незаметность ее службы,
Она, как оберег, в домах...
А я скажу, наверно, кстати,
И вепсской кукле час придет.
Из глубины веков, с Ояти,
Она до Питера дойдет!

* * *

Майский день, полыхают знамена,
Лес укрылся зеленой листвою...
За Победу, что празднуем снова,
Оплатили сполна и с лихвой.
Обелиски российских окраин,
Отчеканены в них имена.
Тут Алеши, Андрюши, Иваны...
Их сплотила победа одна.
Поклонитесь, прошу, ветеранам,
Смерти смело, смотрели в глаза.
Поклонитесь за боль и за раны,
Их не выдаст скупая слеза.
Поклонитесь и братской могиле,
Кто геройски погиб на войне.
За защитников Родины милой,

Поклонитесь, прошу, как родне

Бабье лето

Уходил я в гущу леса,

Одинешенек, один...

Осень, словно поэтесса,

Сердце жгла огнем рябин.

Сквозь верхушки, елей, сосен,

Журавлиный слышен крик.

Я спросил: зачем, ты осень,

Завела меня в тупик?

Осень рыжая, ворчала,

Не по нраву ей слова.

Полюби меня, сначала,

Я ж красивая вдова.

Торопилась на свиданье,

С ветром старая любовь.

Но, сегодня, с расставаньем,

Он срывал с меня покров.

Рассердилась я, за это,

И сказала: друг, прощай!

Я не осень, бабье лето,

Мне влюбляться не мешай!

Березовые веники

Березовые веники,

Ломали мы в лесу.

В дугу сгибали белую,

Лесную красоту.

И обнажали бедную,
И мяли за бока...
Смеялась, рядом, ведьмою,
Косматая сосна.
Дорвавшись, до дешевого,
Природного добра,
Блестели очень здорово,
Парней хмельных глаза.
Не думая, что станется,
Что будет, после, с ней.
Ломали мы красавицу,
Ломали до корней.
Обтрепанная, жалкая,
Осталась на ветру.
Краса ее закапала-
Слезами на траву.

Энарне ма

Энарне ма, два загадочных слова,
Энарне ма – деревенька моя.
Тянет на малую родину снова,
В сердце навеки родная земля.
Пела здесь песни, нам мать в колыбели
И куковала кукушка года....
Выросли, словно, птенцы улетели,
Но не забыли родного гнезда.
Сказочный край, необъятны просторы,
А на пригорках родные дома.
Шепчутся в зелени вепсские горы
И все милее нам Энарне ма!
Энарне ма в нашем сердце навеки,

Энарне ма – деревенька моя.
Пусть не иссякнут вовеки истоки,
И расцветает родная земля.
Слова ни к чему,
Помолчим на природе.
Послушаем говор лесного ручья.
Что скажет хорошего он о народе,
И спросит отчаянно: родина чья?
Явились незвано сюда басурмане
И варварски рубят любимый наш лес.
Себе набивают деньгами карманы,
А нам остаются лишь горечь, да стресс.
Здоров ли сегодня властитель природы,
И пьет ли он воду еще с ручейка?
Какие его отравляют отходы,
Что гибнут деревья, не дав ни ростка.
Бежит ручеек, то течение вечно.
Без устали воды несет в океан.
А мы на движенье взираем беспечно,
И к тем, кто природе наносит изъян.
Журчит ручеек беспрестанно и властно,
Прекрасную песню о нем бы сложить.
Благие дела совершает так страстно,
Что хочется праведно Богу служить.

Мейдэн ма ом чома,	Наша земля прекрасна,
Луяс чома ма.	Очень красива земля.
Минун хенгес эляб,	Живет она в сердце,

Эляб минун пя.

И в голове она....

Сигя минун мамой,

Там моя мама,

Паёд паятаб.

Песни поет.

Кегой водэд сануб,

Кукушка года кукует,

Кодьхе ваятаб.

Домой зовет.

Суред ома мягед,

Большие у нас горы,

Сурь ом кодима.

Большая родная земля.

Сюргяс неце нягед,

С высокой горы видно,

Мейдэн чома ма.

Как чудесна она.

Мейдэн хенгес эляб,

Живет в нашем сердце,

Мейдэн армаз ма.

Любимая наша земля.

Äяд, äяд эля,

Пусть живет долго,

Эля, мейдэн ма!

Долго живет она!

Михаил Кралин

СОНЕТ

Моим землякам

Мы расстреляли наших Корнышовых,
Хозяев и радетелей земли.
Беднейшие из бедных,мы пришли
К кормилу власти на кровинах новых.

И семь десятилетий уж прошли,
А у земли хозяев нет толковых,
И на тот свет убийцы их сошли,
И веры нет в хозяев жизни новых.

Порублены леса, как татарвой,
Не чистятся, поганятся делянки.
Мы по земле по родной, как в танке
Проехались с похмельной головой.

И не всплывут уже со дня реки
Не коренные нами топляки.

1988

ПАМЯТИ ДЕДА, СУХАНОВА МИХАИЛА МИХАЙЛОВИЧА

Никогда не видел деда
Ни в каких дремучих снах,
Да и он о мне не ведал,
Доходя в своих "Крестах".

Где-то в поле под Свердловском
Он в чужую землю вмёрз
И не знал, что в страхе скользком
Внук завоет, словно пёс

Доходя по жизни этой
До предельного конца,
До порога того света,
До смертельного свинца.

Слышишь, дедушка родимый,
Как я плачу и пою
Над твоей лихой судьбиной,
Ты, томящийся в раю.

Охрани меня от лиха,
Помолись за внука, дед.
Я услышу тихо, тихо,
Тихо сказанный ответ.

1989

ЗАВЕТ

1

По пояс избушка травой заросла,
Видны лишь остатки гнилого весла
Оно позабыло уключин скрипенье,
Ни счёта здесь времени нет, ни числа.

2

Ворча, ерепенясь, в плотине река
Полощет кипящие в ней облака,
И замерли, глядя в своё отраженье,
Берёзы поодаль и два рыбака.

3

Когда-то стоял монастырь над горой,
Спускались монахини с первой зарёй,
Умыться спешили святою водою,
Творили заутреню ранней порой.

4

Уплыли года и уплыл монастырь.
Гора превратилась в цветущий пустырь,
Но ляжешь на землю - услышишь дыханье

Тех душ, чьи тела проглотила Сибирь.

5

С рекою в разлуке прожив много лет,
Я вспомнил в несчастье тот детский обет
И клятву исполнил, и к речке приехал
От всех за спиною оставшихся бед.

6

И руки по локоть в струи опустил,
Всклубился со дна серебрящийся ил,
И стало легко на душе и спокойно,
Как будто всю боль мою кто отпустил.

1969

СЕЛЬСКАЯ ЧЕСТЬ

Поля пропадают, желты и горьки,
На них не рыдают теперь васильки.

А если и плачут по матушке-ржи,
То разве на клумбах, топорщась от лжи.

Не сеют в полях детородного льна,
Дурнина наглеет, свободой вольна.

Заела ольха заливные поля,
Остатние в них догнивают стога.

Но больше не встретить солёных косцов,
Они убрались на кладбище отцов.

А внуки забыли про сельскую честь,
Они в супермаркетах купят поесть.

Но радость артельного злого труда
Они не поймут ни за что, никогда.

2015

Миша

Дмитрий, я тут ещё набросал вчера стишки:

Наша общая столица - Винницы

Светлоглазы здесь люди и русы,
И не каждый теперь различит,
Как бывало, кто вепсы, кто русы,
Только говор народы личит.

Пусть у вепсов язык другаякий,
И по-своему трудится речь,
Но единят словесные знаки,
Грея души, как общая печь.

И стоит над родимой Оятью
Дорогое обоим село
И чарует сердца благодатью,
И живётся в нём людям светло.

НАША ОБЩАЯ БЕДА

Везут, везут покойников лесных.
Отечество от нас - куда увозят?
Стволы на лесовозах так елозят,
Как будто рёбра ходят у живых...

Смоленская за Тихвинской летит
И платом белым перекрыть дорогу
Как будто спозаранок норовит,
Но кто теперь прислушается к Богу?

Мы первородство отдали чужим,
На нет свели свои леса и реки,
Как будто мы уже не человеки
И не своим корням принадлежим.

Как будто корни обрубili мы,

Родство с родной землёй давно забыли.
О Господи, но мы же были, были!
Пора на волю выйти из тюрьмы
духовной...

15 июня 2016

<https://ssl.gstatic.com/ui/v1/icons/mail/images/cleardot.gif>

